

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АРТУРА
ДЕНТА
ПРОДОЛЖАЮТСЯ!

АВТОСТОПОМ В Космосе

ОПЯТЬ
В ПУТЬ

ДУГЛАС АДАМС

Путеводитель по галактике для путешествующих автостопом

Дуглас Адамс

**Автостопом по Галактике.
Опять в путь (сборник)**

«АСТ»

1982, 1984, 1992

Адамс Д. Н.

Автостопом по Галактике. Опять в путь (сборник) /
Д. Н. Адамс — «АСТ», 1982, 1984, 1992 — (Путеводитель по
галактике для путешествующих автостопом)

ISBN 978-5-17-065008-8

Итак...Вы хотите знать, как приготовить коктейль «Пангалактический
грызлодер»?Хотите понять, как просуществовать на жалкие тридцать
альтаирских долларов в день?Хотите разорить межпланетную
суперкорпорацию, узнать, что Бог завещал сотворенному Им миру, и следует
ли считать Землю планетой, безвредной вообще – или только в целом?Читайте
шедевр Дугласа Адамса – и вы узнаете не только это, но и кое-что еще!

ISBN 978-5-17-065008-8

© Адамс Д. Н., 1982, 1984, 1992

© АСТ, 1982, 1984, 1992

Содержание

Жизнь, вселенная и все остальное[1]	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	26
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	32
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	49
Глава 13	54
Глава 14	55
Глава 15	58
Глава 16	60
Глава 17	63
Глава 18	65
Глава 19	74
Глава 20	77
Глава 21	80
Глава 22	82
Глава 23	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Адамс Дуглас
Автостопом по Галактике. Опять в путь
Фантастические романы

Douglas Adams

The hitch hiker's guide to the Galaxy

Life, the Universe and everything so long

So long, and thanks for all the fish

Mostly harmless

© Serious Productions Ltd., 1982, 1984, 1992

© Перевод. С. В. Силакова, 1997

© Перевод. Н. К. Кудряшев, 1997

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Жизнь, вселенная и все остальное¹

Глава 1

Каждое утро традиционный душераздирающий вопль оповещал окрестности, что Артур Дент проснулся и заново ужаснулся своему местоположению.

В его пещере царил холод (а также смрад и сырость), но это еще пол-ужаса. Главный же ужас состоял в том, что пещера находилась в лондонском районе Айлингтон и первый автобус в центр должен был отправиться примерно через два миллиона лет.

Время – это, так сказать, худшее место из всех, где только можно заблудиться. Артур Дент, с его богатым опытом блужданий по закоулкам пространства и времени, может утверждать это со всей ответственностью. Заблудившемуся в пространстве хотя бы не угрожает смерть со скуки.

Артур Дент застрял на доисторической Земле в результате извилистой цепочки происшествий, в процессе каковых он попеременно подвергался оскорблениям и/или расщеплению на атомы в разнообразных экзотических уголках Галактики, бесчисленность и странность которых превзошли все его ожидания. И хотя теперь его жизнь текла чрезвычайно ровно и спокойно, нервы Артура по-прежнему шалили.

Вот уже пять лет, как его не расщепляли на атомы.

Вот уже четыре года (со дня расставания с Фордом Префектом) Артур в общем-то ни одной души не видел, а потому и оскорблениям больше не подвергался.

За исключением одного случая.

Это произошло как-то весенним вечером года два тому назад.

Бредя в сумерках к своей пещере, Артур вдруг заметил за облаками странные вспышки. Он задрал голову к небу, и в его сердце робко закопошилась надежда. Спасение. Свобода. Несбыточная греза Робинзона – корабль.

И вправду – к его радости и изумлению, с небес, рассекая теплый вечерний воздух, тихо, как-то интеллигентно спустился длинный серебряный звездолет. Выдвинулись длинные опоры, совершая изящные балетные па во славу технического прогресса.

Звездолет легко опустился на землю, и его ненавязчивое гудение разом стихло, точно убаюканное вечерней тишиной.

Сам собой откинулся трап.

Из люка вырвался столб света.

В нем обрисовался силуэт высокой фигуры. Фигура сошла по трапу и остановилась перед Артуром.

– Ты козел, Дент, – промолвила она просто.

То был самый что ни на есть инопланетный инопланетянин. Чисто инопланетная долговязость, чисто инопланетная приплюснутая голова, чисто инопланетные глазки-щелочки, экстравагантно-складчатое золотое одеяние с воротником чисто инопланетного покроя и бледная, серо-зеленая инопланетная кожа, сияющая тем особым блеском, который дается большинству серозеленоликих субъектов лишь благодаря постоянному массажу и самому дорогостоящему мылу.

Артур невольно отпрянул. Существо невозмутимо смотрело на него.

¹ Life, the Universe and Everything So Long© Перевод. С. В. Силакова, 1997

Надежда и ликование в душе Артура вмиг сменились чувством крайней озадаченности. Сотни разных мыслей, расталкивая друг дружку, боролись за контроль над его голосовыми связками.

– А... мт... – выпалил он. – От... к-к-к... э-э... – добавил он немного погоды. – А... тв... в... хто... кто? – выдавил он наконец, после чего погрузился в неистовое (сродни неистовым воплям) безмолвие. Нешуточное это дело – обнаружить, что после неопределенно долгого периода молчания ты, оказывается, не отучился разговаривать.

Инопланетное существо, морща лоб, заглянуло в штучку вроде папки, которую сжимало в своих длинных, лианообразных инопланетных пальцах.

– Артур Дент? – переспросило оно.

Артур растерянно кивнул.

– Артур Филип Дент? – уточнило существо, деловито лязгнув зубами.

– Э-э... да... я... э-э-э... – подтвердил Артур.

– Ты козел, – повторил инопланетянин. – Никчемная дырка от бублика.

– Э-э-э?...

Существо кивнуло само себе, произвело чисто инопланетный щелчок застежкой папки и направилось к своему кораблю.

– Э-э... – в отчаянии выпалил Артур, – э-эй!

– И нечего тут! – рявкнул инопланетянин.

Он взошел по трапу и исчез в недрах корабля. Люк сам собой захлопнулся. Звездолет басовито загудел.

– Э-эй! – вскрикнул Артур и побежал на заплетающихся ногах к кораблю. – Подождите минутку! Что вы хотели? Эй! Да подождите же!

Корабль приподнялся, беспечно скинув свою тяжесть наземь, будто плащ, секунду повисел в воздухе – и унесся в вечернее небо. Он пронзил облака, на миг озарив их своим серебряным свечением, и исчез из виду Артура – одинокой букашки, бестолково скачущей на месте посреди бескрайней шири.

– Что? – вопил он. – Чего? Зачем? Эгей-гей! Ну-ка вернись и повтори!

Он подпрыгивал и выплясывал, пока его ноги не подкосились, зывал, пока не надорвал связки. Ответа не последовало. Некому было его услышать, некому было с ним поговорить.

Инопланетный корабль уже с треском прорывался сквозь верхние слои атмосферы, навстречу той ужасной пустоте с редкими-редкими материальными вкраплениями, из которой и состоит Вселенная.

* * *

Хозяин звездолета, инопланетянин с дорогостоящим цветом лица, развалился в единственном кресле рубки. Он звался Охмешконасыпатель Конца-Краю-Не-Знающий, и был он индивидуумом с четкой целью в жизни. Не самой лучшей целью – в чем он сам первый признавался, – но эта какая-никакая цель как-никак давала ему какое-никакое занятие.

Охмешконасыпатель Конца-Краю-Не-Знающий принадлежал – то есть принадлежит – к очень узкому кругу бессмертных обитателей Вселенной.

Те, кто рождается бессмертным, от рождения бессознательно свыкаются с этим своим свойством, но Охмешконасыпатель – не из их числа. Строго говоря, эту шайку бесчувственных выроdkов он давно уже возненавидел лютой ненавистью. На него самого бессмертие свалилось как снег на голову, в результате неудачного взаимодействия своенравного ускорителя элементарных частиц, банки с рассолом (то был утренний завтрак Охмешконасыпателя) и двух аптечных резинок. Мелкие подробности аварии не имеют значения, поскольку никому так и не

удалось воспроизвести обстоятельства произошедшего, причем многие экспериментаторы при этом попали либо в дурацкое положение, либо на тот свет, либо и туда, и туда одновременно.

Охмешконасыпатель скорбно и устало прикрыл глаза, заказал бортовой стереосистеме какой-нибудь легкий джаз и рассудил, что все бы ничего, если бы не воскресные дни, будь они неладны.

Вначале бессмертие пошло ему впрок. Он спорил с судьбой, лез на рожон, срывал цветы удовольствий и сумасшедшие деньги на высокодоходных долгосрочных сберегательных вкладах... в общем, давал всем жизни, как говорится.

Но вскоре в этом светлом существовании появилось нестерпимое темное пятно – воскресенья. Примерно в 14.55 тебя начинает обволакивать ужасная апатия: ты понимаешь, что уже принял все ванны, какие можно было принять с пользой для души и тела, что сколько ни созерцай любой абзац газетного текста, ты не прочтешь ни строчки, не говоря уже о применении на практике новейшего, совершившего революцию в области стрижки кустарников метода, который в этой газете описан. И сколько ни гляди на циферблат, неумолимые стрелки вскоре передвинутся на четыре – час, когда начинается долгое, мутное и, что греха таить, безумное чаепитие души.

Итак, Охмешконасыпатель пресытился жизнью. Довольные улыбки, которыми он обычно озарял чужие похороны, стали какими-то натянутыми. В нем зрела ненависть к Вселенной в целом и каждому из ее обитателей в частности.

Вот тогда-то он и набрел на свою цель жизни, дело, которое не позволит ему впасть в спячку никогда-никогда (так ему, во всяком случае, казалось). А придумал он вот что.

Он решил оскорбить Вселенную.

То есть он решил оскорбить всех ее обитателей. Строго индивидуально, лицом к лицу, одного за другим и (тут он с особым сладострастием скрипнул зубами) в алфавитном порядке.

Когда его знакомые (даже у таких типов бывают знакомые) намекали, что план не только этически неприемлем, но и неосуществим – поскольку все время кто-то умирает, а кто-то рождается, Охмешконасыпатель просто вперял в оппонента свой стальной взгляд и бурчал: «Что, и помечтать нельзя?»

Итак, он взялся за дело. Он обзавелся звездолетом, построенным на века, и бортовым компьютером, который умело управлялся со всей информацией о местоположении всех обитателей Вселенной, а также рассчитывал самые замысловатые маршруты полета.

Корабль пересекал орбиты планет Солнечной системы, намереваясь совершить пертурбационный маневр вокруг Солнца и, разогнавшись, выскочить в большой космос.

– Компьютер, – окликнул Охмешконасыпатель.

– Слушаю, – пропищал компьютер.

– Куда теперь?

– Вычисляю.

Охмешконасыпатель покосился на невероятную алмазную россыпь космической ночи. Биллионы крошечных миров-кристаллов огненной пылью припорошили тьму-бесконечность. И каждый, любой из них, встретится ему на пути. И на большей части из них он побывал уже миллионы раз.

На миг он вообразил свой маршрут в виде ломаной линии, связывающей все небесные огоньки, как на детских «загадочных картинках» с пронумерованными точками. И понадеялся, что с какой-нибудь туристической смотровой вышки Вселенной эта ломаная покажется каким-нибудь вопиюще неприличным словом.

Компьютер безголосо пискнул в знак окончания вычислений.

– Фольфанга, – сообщил он и снова пискнул. – Четвертая планета системы Фольфанга, – продолжил он. И пискнул. – Ожидаемое время в пути – три недели, – продолжил он. И пискнул. – Искомый субъект – некрупный слизняк, – пискнул он, – из рода А-Рт-Ур-Еа-Ипдену. –

Полагаю, – добавил он, сделав передышку на писк, – что вы решили обозвать его безмозглой задницей.

Охмешконасыпатель только хмыкнул. И перевел взгляд на чудо творения за иллюминатором.

– Пойду-ка вздремну, – проговорил он. Потом спросил: – Какие зоны вещания попадутся нам в ближайшие часы?

Компьютер пискнул.

– Космовидеотон, Мыслекинозал, Надомный Думатель, – известил он и пискнул.

– Нет ли фильмов, которых я не видел уже тридцать тысяч раз?

– Нет.

– Гм.

– Разве что «Психоз в космосе». Вы видели этот фильм всего лишь тридцать три тысячи пятьсот семнадцать раз.

– Разбудишь ко второй серии.

Компьютер пискнул.

– Приятных сновидений, – сказал он.

Звездолет несясь сквозь ночь.

Тем временем на Земле под аккомпанемент дождя тянулся один из самых кошмарных вечеров в жизни Артура Дента. Он сидел в своей пещере, составлял каталог возможных отповедей наглому инопланетянину и давил мух – для них этот вечер тоже оказался кошмарным.

На следующий день Артур сшил себе сумку из кроличьей шкурки – под всякие полезные вещи.

Глава 2

С того дня прошло уже два года. Сегодняшнее утро выдалось благоуханным и ясным – в чем лично удостоверился Артур Дент, выйдя из пещеры, которую именовал домом (за неимением как более подходящего названия для нее, так и более подходящей для этого названия пещеры).

Хотя в горле у него привычно саднило от традиционного утреннего душераздирающего вопля, он внезапно пришел в великолепное расположение духа. Поплотнее запахнувшись в свой обтрепанный халат, он приветствовал доброе утро широкой улыбкой.

Воздух был прозрачен и душист. Ветерок осторожно ворошил высокую траву вокруг пещеры, птицы чирикали друг с дружкой, бабочки изящно порхали туда-сюда, и вообще вся природа из кожи вон лезла, стараясь произвести благоприятное впечатление.

Однако Артура воскресили не эти пасторальные радости. Ему только что пришел в голову великолепный способ победить ужас одиночества, кошмары, комплекс неполноценности из-за провала всех сельскохозяйственных начинаний и патологического отсутствия всякой будущности для него на доисторической Земле. Короче говоря, он вознамерился сойти с ума.

Еще раз широко улыбнувшись, он откусил кусочек от кроличьей ноги – остатка вчерашнего ужина. Блаженно разжевав мясо, он решил официально оповестить мир о своем решении.

Артур приосанился, взглянул миру прямо в поля и леса. Для вящей торжественности воткнул кроличью косточку себе в бороду. Широко развел руки.

– Я сойду с ума! – возгласил он.

– Недурная мысль, – заметил Форд Префект, соскальзывая с валуна, на котором сидел.

Мозг Артура совершил сальто-мортале внутри черепной коробки. Его челюсти начали делать отжимания.

– Я тут тоже прыгнул с ума на время, – заявил Форд. – Пользительное занятие.

Глаза Артура пошли колесом.

– Знаешь, – сказал Форд, – я...

– Где ты шатался? – прервал его Артур, чья голова все-таки покончила с физкультурной разминкой.

– Нынче тут, завтра там и кое-где еще, – сообщил Форд. И ухмыльнулся с хорошо рассчитанной издевкой. – Я тут временно спустил свой разум с цепи, предполагая, что, если я миру дико понадоблюсь, он призовет меня обратно. Так и вышло.

Форд вытащил из своей жутко обтрепаншейся и донельзя замызганной сумки субэфирный чуткомат.

– По крайней мере мне так кажется. Эта штука недавно проснулась. – Форд встряхнул прибор. – Если тревога ложная, я сойду с ума, – добавил он, – еще разок.

Мотнув головой, Артур сел на землю и поглядел на Форда снизу вверх.

– Я думал, ты умер... – вырвалось у него.

– Одно время я так тоже думал, – подхватил Форд, – а потом на пару недель решил, что я – лимон. Ужасно повеселился – все две недели только и знал, что бултыхался в джине с тоником.

Артур откашлялся. А потом откашлялся еще раз.

– Где же ты...

– Отыскал джин с тоником? – радостно продолжил за него Форд. – Я отыскал озерцо, которое думало, что оно джин с тоником, и стал в нем бултыхаться. По крайней мере я думаю, что оно думало, что оно джин с тоником... Есть вероятность, – добавил он с ухмылкой, от которой самые хладнокровные люди с воем полезли бы на деревья, – что мне это всего лишь примерещилось.

Он подождал реакции Артура, но тот лишь благоразумно обронил:

– Давай дальше.

– Я, собственно, хочу сказать, – продолжал Форд, – что нет смысла доводить себя до безумия стараниями это безумие избежать. С тем же успехом можно покориться судьбе, а здравый рассудок побережешь на потом.

– А сейчас ты опять в здравом рассудке? – поинтересовался Артур. – Я просто так спрашиваю, для информации.

– Я был в Африке, – заявил Форд.

– Ну да?

– Ну да.

– Ну и как там?

– А это что, твоя пещера? – спросил Форд.

– Мм... да, – ответил Артур. Его раздирали противоречивые чувства. После четырех лет полного одиночества он был до слез рад видеть Форда живым и невредимым. С другой стороны, присутствие Форда, как всегда, почти немедленно начинало давить на нервы.

– Мило-мило, – высказался Форд о пещере Артура. – Должно быть, она тебе донельзя обрыдла.

Артур не потрудился ответить.

– В Африке было очень интересно, – заявил Форд. – Я там здорово начудил.

Он задумчиво уставился вдаль.

– Я занялся издевательствами над животными, – проговорил он беззаботно. – Но только в порядке хобби.

– Только-то? – опасливо уточнил Артур.

– Только, – заверил его Форд. – Не буду беспокоить тебя подробностями, а то они...

– Что «они»?

– Обеспокоят тебя. Но возможно, тебе любопытно будет узнать, что твой покорный слуга единолично ответственен за удлиненную форму животного, которому в будущих веках дадут имя «жираф». А еще я пробовал научиться летать. Ты мне веришь?

– Расскажи, – сказал Артур.

– Потом расскажу. Пока я только процитирую «Путеводитель»...

– «Пу...»?

– «Путеводитель». «Автостопом по Галактике». Ты что, не помнишь?

– Помню. Я его в реку выбросил.

– Да, только я его выудил, – сообщил Форд.

– Ты мне не сказал.

– Ага, чтоб ты его опять выбросил?

– Разумно, – сознался Артур. – Ну и что «Путеводитель»?

– В смысле?

– Ты хотел процитировать.

– В «Путеводителе» написано, что полет – это искусство, а точнее сказать, навык. Весь фокус в том, чтобы научиться швыряться своим телом в земную поверхность и при этом промахиваться.

Устало улыбнувшись, Форд указал на свои брюки и воздел руки, чтобы продемонстрировать локти. Ткань в этих местах изобиловала дырами и потертостями.

– Покамест я недалеко продвинулся, – сказал он и протянул Артуру руку. – Я ужасно рад вновь тебя видеть.

Артур, растроганный и недоумевающий, только замотал головой.

– Я столько лет никого не видел, – заговорил он, – просто ни единой души. Еще чуть-чуть – и я разучился бы разговаривать. Слова все время забываю. Вообще-то я практикуюсь.

Для практики я разговариваю с этими... ну как их там... как называются эти, с которыми разговариваешь, когда с ума сходишь? Ну как Георг Третий.

– Короли? – подсказал Форд.

– Да нет же, – возразил Артур. – Эти самые, с которыми он разговаривал. Господи, здесь же их полным-полно. Я сам посадил сотни. И все засохли. Деревья! Я практикуюсь в разговорах с деревьями. Ты это зачем? – Форд по-прежнему протягивал Артуру руку, а тот с изумлением пялился на нее.

– Пожми ее, – просуфлировал Форд.

Артур последовал совету, вначале несколько нервно, словно боясь, что рука сейчас обернется скользкой рыбиной. Но тут же с безмерным чувством облегчения крепко схватился за нее обеими своими. Он тряс руку Форда и пожимал ее, пожимал и тряс.

Через некоторое время Форд счел необходимым отнять у Артура свою конечность. Они взобрались на верхушку ближнего утеса и принялись обозревать окрестности.

– Что случилось с голгафрингемцами? – спросил Форд.

Артур пожал плечами.

– Их здесь нет уже три года. Очень многие не пережили зиму, а когда пришла весна, уцелевшие заявили, что уходят в отпуск, и уплыли на плоту. История свидетельствует, что они, видимо, живы и здоровы...

– Гм, – прокомментировал Форд, – ну ладно, ладно.

Уперев руки в бока, он вновь обвел взором пустынный мир. Внезапно Форд начал буквально излучать энергию и целеустремленность.

– Мы отправляемся в путь, – вскричал он, весь трепеща от прилива сил.

– Куда? На чем? – воскликнул Артур.

– Не знаю, – сказал Форд, – но я буквально чувствую, что время пришло. Лед тронулся. Наше странствие уже началось.

Он перешел на шепот.

– Я обнаружил, – заявил он, – аномальные протечки.

Прищурившись, как Клинт Иствуд, он уставился на горизонт. Для полноты картины не хватало только, чтобы порыв ветра драматически взъерошил его волосы – но местный ветерок баловался с какими-то листьями в сторонке, а на Форда и внимания не обращал.

Артур попросил его повторить только что сказанную фразу, ибо не совсем уяснил себе ее смысл. Форд повторил.

– Протечки?

– Протечки в пространстве-времени, – сказал Форд и поспешил подставить свое зверски ухмыляющееся лицо ветру, который как раз случайно пролетал мимо.

Артур кивнул, прокашлялся.

– Речь идет о каких-то неполадках космического водопровода, я так понял? – осторожно спросил он. – Ну там, вагоны не заворачивают краны...

– Нет, это возмущения в континууме, – пояснил Форд.

– А, – кивнул Артур, – политика, значит.

Засунув руки в единственный карман своего халата, он воззрился вдаль с видом знатока.

– Чего-о? – воскликнул Форд.

– Э-э, так что там такое стряслось в этом континууме? Народ возмущается, что водопровод неисправен? И почему вдруг туда стоит эмигрировать?

Форд чуть не испепелил его взглядом.

– Ты будешь слушать или нет?

– Я слушаю, – сказал Артур, – только боюсь, толку мне от этого мало.

Форд сгреб его за отвороты халата и стал объяснять ему терпеливо и размеренно, с толком и с расстановкой – словом, так, будто Артур был служащим расчетного отдела телефонной компании.

– Судя по всему... – произнес Форд, – ... в ткани пространства-времени... – произнес Форд, – ... появились... – произнес Форд, – ... очаги...

Артур тупо смотрел на отворот своего халата, сжимаемый пальцами Форда. Форд довел свою речь до конца, прежде чем Артур успел перейти от тупого взгляда к тупым замечаниям.

– ... нестабильности... – завершил Форд.

– А, вот как, – сказал Артур.

– Да уж вот так, – подтвердил Форд.

Они стояли одни-одинешеньки на вершине утеса где-то на доисторической Земле и решительно смотрели друг другу в глаза.

– И что же с ней стало? – спросил Артур.

– Очаги нестабильности в ней возникли, – ответил Форд.

– На самом деле? – спросил Артур, ни на миг не отводя глаз от Форда.

– Вне всяких сомнений, – ответил Форд с не меньшей непреклонностью.

– Ну и хорошо, – сказал Артур.

– Теперь понял?

– Нет, – признался Артур.

Последовала немая сцена.

– Вот в чем беда с этим разговором, – заявил Артур после того, как озадаченность медленно, точно альпинист по трудному склону, вскарабкалась по его лицу и уселась на бровях, – он очень не похож на те, что мне приходилось вести в последнее время. Я уже пояснил, что в основном беседовал с деревьями. А это совсем другой коленкор. Если не считать разговоров с некоторыми дубами – этим хоть в лоб, хоть по лбу.

– Артур, – сказал Форд.

– Алло? Да? – пробормотал Артур.

– Просто прими на веру все, что я тебе скажу, и сразу все станет совсем, совсем ясно.

– Хм, что-то не верится.

Они уселись на камень и впали в глубокую задумчивость.

Форд вытащил свой субэфирный чуткомат. Прибор едва слышно жужжал, подмигивая крохотной тусклой лампочкой.

– Батарейка села? – поинтересовался Артур.

– Нет, – сказал Форд, – он чувствует мобильную аномалию в ткани пространства-времени, локальное возмущение, очаг нестабильности. Протечку. И это где-то недалеко.

– Где?

Слегка дрожащей рукой Форд очертил чуткоматом дугу в воздухе. Внезапно лампочка ярко вспыхнула.

– Вон там! – вскричал Форд, дико взмахнув рукой. – Вон за тем диваном!

Артур взглянул в указанную сторону. К его немалому удивлению, на поле перед ними находился мягкий диван, так называемый честерфильдский, обитый бархатом веселенького оттенка. Он уставился на диван умными глазами. В его голове родился целый рой глубокомысленных вопросов.

– Откуда на этом поле диван? – вскричал он.

– Я же сказал! – заорал Форд, вскочив на ноги. – Возмущения в континууме!

– А, это они мебельные магазины громят! – воскликнул Артур, с трудом вернувшись в вертикальное положение и – как он смел надеяться – в здравый рассудок.

– Артур! – заорал на него Форд. – Этот диван попал сюда из-за нестабильности пространства-времени, про которую я уже устал толковать тебе с твоим перманентным склерозом. Он

просочился через протечку континуума, по воле парусных волн эфира и я не знаю еще чьей – какая на фиг разница, мы должны его поймать, а то так здесь и застрянем!

Он съехал на пятках по скале и стремглав понесся по полю.

– Поймать? – пробормотал Артур и тут же вытаращил глаза – диван, вальяжно покачиваясь, уплывал в глубь поля.

С кличем внезапного восторга он спрыгнул с утеса и весело помчался вдогонку за Фордом Префектом и своенравным предметом мебели.

Они бежали, не разбирая дороги, через траву, подпрыгивали, хохотали, кричали друг другу: «Загоняй его сюда!», «Перехватывай!» Солнце мечтательно освещало травяное море, крохотные полевые животные сломя голову разбегались из-под их ног.

Артур был совершенно счастлив. Его ужасно умиляло, что в этот день все его планы сами собой сбывались. Только двадцать минут назад он решил сойти с ума – и вот уже гоняется по лугам доисторической Земли за честерфильдским диваном.

Диван все время заваливался то на один, то на другой бок. Он одновременно казался твердым, как дерева, и бесплотным, как сон русалки. Одни вязы он огибал, сквозь другие просачивался с ловкостью призрака.

Форд с Артуром, пытаясь бежать за ним, но диван увертывался и петлял, точно пространство имело для него иную, сложную математическую топографию – как оно и было в действительности. И все же они продолжали погоню, а диван вальсировал и вертелся, а потом вдруг развернулся и вошел в пике, словно сорвавшись с порога графика, изображающего кризис, причем Форд с Артуром оказались буквально над ним. Со вздохом облегчения и возгласом триумфа они вскочили на диван, солнце, моргнув, погасло, и, провалившись сквозь головокружительное ничто, они выбрались на свет божий в самом неожиданном месте – посреди поля крикетной площадки «Лордз» (что расположена в лондонском районе Сент-Джонс-Вуд) незадолго до окончания последнего матча международного турнира на Приз Австралии 198... года, причем команде Англии требовалось лишь двадцать восемь перебежек для победы.

Глава 3

Немаловажные факты из истории Галактики.

Факт номер один.

(Заимствовано из многотомника «Сидерическое собрание цитат на каждый день». Том «Популярная история Галактики»)

Ночное небо над планетой Криккит – наименее интересное зрелище во всей Вселенной.

Глава 4

Нежданно-негаданно вывалившись из пространственно-временной аномалии в чудный, совершенно очаровательный лондонский денек, Форд с Артуром совершили довольно жесткую посадку на безупречный газон площадки «Лордз».

Публика разразилась аплодисментами. И хотя они предназначались не нашим путешественникам, те машинально склонили головы – и слава богу, ибо маленький красный и тяжелый мяч (истинный виновник овации) просвистел в считанных миллиметрах над макушкой Артура. Один из зрителей в толпе упал.

Форд с Артуром поспешили броситься на землю, которая, казалось, ужасно быстро вертелась вокруг них.

– Что это было? – вымолвил Артур.

– Что-то красное.

– Где мы?

– Гм... на чем-то зеленом.

– Формы и контуры, – пробормотал Артур. – Дайте мне формы и контуры.

Аплодисменты вскорости перешли в изумленные ахи и робкие смешки – сотни людей никак не могли решить, верить ли своим глазам.

– Ваш, что ли, диван? – раздалось сверху.

– Что это было? – шепотом спросил Форд.

Артур поднял глаза.

– Что-то синее.

– Какой формы? – спросил Форд.

Артур посмотрел еще раз.

– Оно имеет, – прошептал он Форду, серьезно наморщив лоб, – форму полисмена.

Еще некоторое время они лежали на газоне, скорбно хмураясь. Но тут синее полисменообразное нечто тронуло их обоих за плечи.

– Давайте, вы двое, – сказала нечто, – пройдемте.

При этих словах Артура точно пчела ужалила. Он вскочил на ноги, точно услышавший телефонный звонок писатель, и обвел ошалелым взглядом окрестный пейзаж, внезапно сложившийся в удивительно привычную картину.

– Откуда вы это взяли? – заорал он на полисменообразное.

– Что вы сказали? – пробормотало ошарашенное полисменообразное.

– Это же крикетная площадка «Лордз», верно? – возопил Артур. – Где вы ее нашли и как сюда переместили? По-моему, – добавил он, потирая лоб, – мне надо успокоиться. – И плюхнувшись на колени перед Фордом, прошипел: – Это полисмен. Что делать?

Форд пожал плечами:

– А что ты предлагаешь?

– Скажи мне, – попросил Артур, – что все последние пять лет приснились мне во сне.

Форд, еще раз пожав плечами, исполнил требуемое:

– Все последние пять лет приснились тебе во сне.

Артур встал.

– Все в ажуре, офицер, – заявил он. – Все последние пять лет приснились мне во сне. Спросите у него, – добавил он, указывая на Форда, – он мне тоже снился.

Произнеся эту речь, Артур побрел к краю поля, отряхивая халат. Но тут же, заметив, что отряхивает именно халат, застыл как вкопанный. Затем, выпучив глаза, бросился к полисмену с воплем:

– Тогда почему я так одет? – И, упав на траву, забился в судорогах.

Форд только покачал головой.

– Ему что-то не везло последние два миллиона лет, – пояснил он полисмену.

Вдвоем они взвалили Артура на диван и унесли с поля, причем неожиданное исчезновение дивана на полдороге задержало их совсем ненадолго.

Реакция публики, точнее, реакции были многообразными и различными. Большинство зрителей, будучи не в силах выдержать этого зрелища, зажмурили глаза и переключились на слушание радиотрансляции.

– Любопытное происшествие, Брайан, – сказал один радиокомментатор другому. – По-моему, никаких загадочных материализации на поле не было с... э-э... с... может, их вообще ни разу еще не было – ты не помнишь?

– А Эджбастон 1932 года?

– А, ну и что же там стряслось?

– Гм, Питер, если я не ошибаюсь, Кантер играл против Уилсокса и шел в нападение со стороны павильона, когда вдруг напрямик через площадку пробежал зритель.

Первый комментатор призадумался.

– М-да-а-а-а, – промолвил он наконец, – да, но в чем тут загадочность? Он ведь не материализовался в подлинном смысле слова? Просто пробежал.

– Да, ты прав, и все же он утверждал, что видел, как нечто материализовалось на площадке.

– Seriously?

– Да. По-моему, это было животное из семейства аллигаторов.

– Хм. А кто-нибудь еще его заметил?

– По-видимому, нет. А от этого субъекта никому не удалось добиться подробностей, поэтому поиски были весьма поверхностными.

– А что случилось со зрителем?

– По-моему, кто-то вызвался угостить его обедом, но тот пояснил, что уже отобедал, и довольно плотно, поэтому вопрос был замят, и Уорвикшир победил с перевесом в три калитки.

– Не слишком похоже на наш случай. Тем, кто только что настроился на нашу волну, будет любопытно знать, что... э-э-э... два человека, двое довольно неряшливо одетых мужчин и самый настоящий диван – честерфильдский, по-моему?

– Да, честерфильдский.

– ... только что материализовались тут у нас, посреди крикетной площадки «Лордз». Но не думаю, что с дурными намерениями. Они вели себя очень мирно...

– Извини, Питер, я тебя перебую – диван только что исчез.

– Диван исчез. Что ж, одной загадкой меньше. И все же этот случай войдет в анналы истории, тем более что он произошел в столь драматический момент, когда Англии не хватает до победы только двадцати восьми перебежек. Пришельцы покидают площадку в сопровождении офицера полиции, и, по-моему, все входит в привычное русло, и игра сейчас возобновится.

– Ну-с, сэр, – сказал полицейский после того, как они пробрались сквозь обуянную любопытством толпу и уложили умиротворенного, бездвижного Артура на одеяло, – теперь вы мне, возможно, соизволите сообщить, кто вы такие, откуда взялись и что хотели сказать этим балаганом?

Форд уставился себе под ноги, точно заимствуя у земли твердость духа, затем, вскинув голову, ответил полицейскому взглядом, в который было вложено все напряжение каждого дюйма из шестисот световых лет, разделяющих Землю и отчизну Форда – окрестности Бетельгейзе.

– Отлично, – проговорил Форд очень тихо. – Я вам расскажу.

– Да-да, хорошо, это не обязательно, – поспешно заявил полисмен, – только постарайтесь, чтобы такого... этого... больше не было.

Полисмен развернулся и побрел искать кого-нибудь, кто был бы не с Бетельгейзе. К счастью, таких тут хватало.

Душа Артура летала вокруг его тела кругами и мялась, не испытывая особенного желания войти. С этим вместилищем у нее были связаны не самые лучшие воспоминания. И все же она медленно, опасливо забралась в него и заняла свое привычное место.

Артур приподнялся на локтях:

– Где я?

– На крикетной площадке «Лордз», – сообщил Форд.

– Классно, – молвил Артур – и его душа выпорхнула наружу перевести дух. Тело Артура безвольно плюхнулось обратно на траву.

Десять минут спустя он уже горбился над чашкой чая под тентом летнего буфета, и на его осунувшееся лицо постепенно возвращался румянец.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Форд.

– Я дома, – хрипло буркнул Артур.

Прикрыв глаза, он жадно вдыхал пар, поднимающийся над чашкой чая, словно это был не чай, а... – но в данном случае, с точки зрения Артура, вся прелесть именно в том и состояла, что это был чай.

– Я дома, – твердил он, – дома. Это Англия, сегодня... сегодня кошмару конец. – Он вновь раскрыл глаза и блаженно улыбнулся. – Мое место здесь, – сказал он умиленным шепотом.

– Я считаю своим долгом предупредить тебя о двух вещах, – заявил Форд, пододвинув к Артуру газету «Гардиан».

– Я дома, – повторил Артур.

– Безусловно, – согласился Форд. – Во-первых, – сказал он, тыча пальцем в угол газеты, где значилась дата, – через два дня Земля будет взорвана.

– Я дома, – шептал Артур. – Чай, – произнес он, – крикет, – добавил он с нежностью, – стриженные газоны, деревянные скамейки, белые полотняные пиджаки, пиво в банках...

Медленно-медленно его взгляд сфокусировался на газете. Слегка нахмурившись, он склонил голову набок.

– Я этот номер уже видел, – проговорил он.

Его взгляд неспешно подполз к дате, по которой Форд лениво постукивал пальцем. На секунду-другую лицо Артура застыло, как маска, а потом стало с ужасающей медлительностью раскалываться на куски, точно арктические льдины по весне.

– А во-вторых, – продолжал Форд, – у тебя в бороде кость. – И поперхнулся чаем.

Меж тем снаружи солнце лило свой свет на веселую толпу. Его лучи ласкали белые шляпы и красные лица. Его лучи ласкали брикеты мороженого, от чего оно таяло. Его лучи обращали в алмазы слезы детишек, уронивших растаявшее мороженое с палочки. Солнечный свет золотил кроны деревьев, сверкал на рассекающих воздух крикетных битах, сиял на поверхности крайне необычного (и никем не замечаемого) объекта, что был припаркован за стадионным табло. Свет солнца ударил в глаза Форду с Артуром, когда те, жмурясь, вышли из буфета и огляделись по сторонам.

Артура трясло.

– Может, мне...

– Нет, – рявкнул Форд.

– Что «нет»?

– Не пытайся звонить себе самому домой.

– Как ты дога...

Форд только передернул плечами.

– Но почему? Почему нельзя?

– Те, кто разговаривает по телефону сам с собой, ничего хорошего не узнают.

– Но...

– Демонстрирую, – сказал Форд. Он снял с рычага воображаемую трубку и стал крутить воображаемый диск. – Алло? – произнес он в воображаемую трубку. – Это Артур Дент? Ага, алло, да. Это Артур Дент говорит. Не бросай трубку.

И расстроено поглядел на воображаемый телефон.

– Трубку бросил, – пояснил он, пожал плечами и аккуратно положил свою воображаемую трубку на воображаемый рычаг. – Это не первая аномалия времени на моем веку.

Скорбное выражение на лице Артура Дента уступило место еще более скорбному.

– Значит, наши неприятности еще не кончились, – проговорил он.

– Более того, они еще толком и не начались, – уточнил Форд.

Матч меж тем продолжался. Нападающий приближался к калитке, плавно переходя с рысцы на бег². Вдруг он точно взорвался, обернувшись вихрем бесчисленных рук и ног, из которого вылетел мяч. Защитник, взмахнув битой, послал мяч себе за спину так, что он пролетел над табло. Глаза Форда, провожавшего взглядом мяч, широко распахнулись. Он замер. Вновь проследив траекторию мяча, Форд захлопал глазами.

– Это не мое полотенце, – заявил Артур, копавшийся в своей сумке из кроличьей шкурки.

– Тс-с, – прошипел Форд и глубокомысленно воздел очи горе.

– У меня было голгафрингемское полотенце, из оздоровительного кабинета. Синее с желтыми звездочками. А это другое.

– Тс-с, – вновь прошипел Форд. Прикрыв один глаз, он что-то созерцал другим.

– А это розовое. Оно, случайно, не твое?

– Изволь заткнуться насчет твоего полотенца! – воскликнул Форд.

– Полотенце не мое, – настаивал Артур, – именно это я и пытаюсь...

– А я пытаюсь потребовать, чтобы ты заткнулся, – продолжал Форд, переходя на рык, – причем немедленно!

– Ладно, – сказал Артур, пытаясь засунуть полотенце обратно в свою неуклюжую сумку. – Я понимаю, что в масштабе Вселенной этот факт не имеет никакого значения, но просто интересно. Было синее в желтую звездочку, а стало розовое.

Тем временем Форд начал выделять какие-то странные фортели. Говоря «странные», мы не имеем в виду обычный (то есть странный по определению) стиль поведения Форда. О нет – то были действия, странно непохожие на все его обычные странности и чудачества.

А именно: игнорируя недоуменные взгляды собратьев-зрителей, что обступали поле, он совершал всякие резкие движения руками перед своим носом, при этом то проныривая у кого-то за спиной, то подпрыгивая рядом с кем-то еще. Порой он замирал, часто моргая. Спустя некоторое время он начал медленно, воровато пробираться вперед с гримасой вдумчивой озадаченности на лице – как леопард, который не совсем уверен, что только что видел в полумиле впереди, на раскаленной и пыльной прерии, полупустую банку «Вискаса».

– И сумка тоже не моя, – неожиданно объявил Артур.

Тем самым выведя Форда из медитационного транса. Форд злобно обернулся к Артуру.

² Крикет ни в коем случае не следует путать с другой национальной английской игрой – крокетом. Для игры в крокет (см. «Алису в стране чудес») используются молотки и шары, а для крикета – мячи и биты. Крикет родственен американскому бейсболу и русской лапте. Играют две команды, по одиннадцать человек каждая. На травяном поле становятся две калитки (три столбика с лежащими на них двумя поперечными палочками). Игроки одной из команд – нападающие – бросают мяч, пытаются сбить калитку. Игроки другой команды – отбивающие или защитники – поочередно стоят у калитки с битой в руках, стараясь отбить мяч как можно дальше и за время, пока нападающие ловят мяч, добежать до другой калитки, коснуться черты и возвратиться обратно. Это и есть упоминаемые в тексте «перебежки», которых не хватало до победы. Если за время перебежки один из нападающих успеет сбить пойманным мячом калитку, защитник выходит из игры и его сменяет другой игрок. Игра продолжается до выхода из игры всех защитников. – *Примеч. ред.*

– Я не о полотенце, – сказал Артур. – Мы уже установили, что оно не мое. Вся закавыка в том, что сумка, куда я хотел положить это полотенце, которое не мое, тоже не моя, хотя сходство поразительное. Мне это кажется чрезвычайно странным, тем более что сумку я сшил на доисторической Земле своими руками. И камни тоже не мои, – добавил он, вытащив из сумки горсть плоских серых камешков. – Я собирал коллекцию интересных камней, а эти, сразу видно, сплошная скука.

Восторженный рев, прокатившийся по трибунам, заглушил все, что Форд имел сказать по поводу этой информации. Крикетный мяч, встреченный с таким восторгом, свалился с небес прямо в загадочную кроличью сумку Артура.

– Это, сказал бы я, тоже очень любопытный случай, – заявил Артур, поспешно закрыв сумку и прикинувшись, что высматривает мяч на земле. – По-моему, его здесь нет, – сказал он мальчишкам, которые немедленно столпились вокруг него, – вероятно, он куда-то откатился. Судя по всему, вон туда. – И указал в ту сторону, куда хотел бы спроводить ребят.

Один мальчишка озадаченно посмотрел на него:

– У вас все в норме?

– Нет.

– Тогда почему у вас в бороде кость?

– Я воспитываю в ней смирение с любым местоположением, – произнес Артур, сам собой гордясь. Самый подходящий афоризм, чтобы заронить в молодые умы искру вдумчивого отношения к жизни.

– Ого, – сказал мальчишка, глубокомысленно склонив голову набок. – Как вас зовут?

– Дент. Артур Дент.

– Ты козел, Дент, – проговорил мальчик. – Ничемная дырка от бублика.

Произнеся эти слова, мальчишка посмотрел на что-то за плечом Дента, демонстрируя, что вовсе не торопится скрыться, а затем ретировался, почесывая нос.

Внезапно Артур вспомнил, что через два дня Земля погибнет, и впервые испытал при этой мысли некоторое утешение.

Принесли новый мяч, игра возобновилась, солнце продолжало светить, а Форд все скакал и скакал на месте, мотая головой и моргая.

– Ты что-то придумал, правда? – спросил Артур.

– Мне кажется, – сказал Форд тоном, обещавшим (как уже было известно Артуру) какое-то чрезвычайно непонятное продолжение, – что вон там какое-то ННП.

Он указал, что понимает под термином «вон там». И что любопытно – направление, в котором указала его рука, не совпадало с направлением его взгляда. Артур сначала посмотрел вслед за указующим перстом – на табло, а потом туда, куда Форд глядел, – на поле и кивнул, пожимая плечами.

– Какое-то «что»?

– ННП.

– Н?

– ... НП.

– А это что?

– Не Наша Проблема.

– А, ну и ладно, – промолвил Артур с облегчением. Он понятия не имел, куда клонит Форд, но по крайней мере инцидент казался исчерпанным. Но радовался он зря.

– Вон там, – сказал Форд, вновь указывая на табло и глядя на поле.

– Где?

– Там.

– Вижу, – покривил Артур душой.

– Seriously?

- В смысле?
- Ты ННП видишь? – терпеливо спросил Форд.
- Я думал, ты сказал, что это не наша проблема.
- Она самая.

Артур кивнул – медленно, опасно, с безмерно дурацким выражением лица.

- И я хочу знать, можешь ли ты ее видеть.

- А ты видишь?

- Да.

- Ну и как она выглядит?

- Ну а мне-то откуда знать, идиот? Сам видишь – сам и описывай.

В висках у Артура раздался привычный тупой звон, очень часто сопровождавший его разговоры с Фордом. Его мозг замер, как щенок, испуганно забившийся в угол. Форд взял его за руку.

– ННП – это нечто, что мы не можем увидеть, или не видим, или то, чего нам не дает увидеть наш мозг, потому что мы считаем, что это не наша проблема. Вот как расшифровывается ННП. Не Наша Проблема. Мозг просто вымарывает эту штуку из поля зрения, точно слепое пятно. Даже если ты посмотришь прямо на ННП, то все равно ее не разглядишь – если только не знаешь заранее, как она выглядит. Единственная надежда – застичь ННП врасплах краешком глаза.

- А-а, – протянул Артур, – так вот почему...

- Ну да, – согласился Форд, зная наперед, что именно Артур скажет.

- ...ты прыгал и...

- Ну да.

- ...моргал...

- Ну да.

- ...и...

- Похоже, до тебя дошло.

- Я вижу эту штуку, – объявил Артур, – это звездолет.

И оторопел от последствий своего заявления. Толпа взревела. Крича, вопя, сшибая друг друга, люди со всех сторон бросились к площадке. Попятившись, Артур испуганно огляделся по сторонам. Затем еще раз огляделся по сторонам с еще большим ужасом.

- Занимательно, не правда ли? – произнесло видение.

Видение дергалось и колебалось перед глазами Артура, хотя, видимо, в действительности это глаза Артура дергались вместе с головой. Его губы тоже дергались.

- Ч... ч... ч... – выговорили его губы.

- По-моему, ваша команда только что победила, – произнесло видение.

– Ч... ч... ч... – повторил Артур, при каждом приступе дрожи толкая Форда Префекта в спину.

- Форд тем временем с тревогой наблюдал за суматохой.

- Вы ведь англичанин, правда? – поинтересовалось видение.

- Ч... ч... ч... да, – согласился Артур.

– Ну, как я уже сказал, ваша команда только что победила. В матче. Следовательно, они сохраняют у себя Пепел. Думаю, вы очень довольны. Осмелюсь признаться, я питаю некоторую слабость к крикету, хотя я не хотел бы, чтобы о ней знали за пределами этой планеты. Боже упаси.

Видениеostroило нечто вроде ехидной ухмылки – впрочем, еще неизвестно, насколько ехидной, ибо солнце, светя ему прямо в затылок, соорудило из его серебристых волос и бороды ослепительный, драматический, повергающий в трепет нимб, с которым никакие ехидные ухмылки не вязались.

– И все же, – продолжало оно, – спустя пару деньков всему этому придет конец, не правда ли? Хотя, как я уже вам говорил при нашей последней встрече, это меня весьма опечалило. И все же что было, тому не миновать.

Артур вновь попытался заговорить, но борьба была неравной. В отчаянии он снова пихнул Форда локтем.

– Я-то думал, что стряслось, – сказал Форд, – а это просто матч кончился. Пора смыться. А, Слартибартфаст, здорово, что ты тут делаешь?

– Да так, слоняюсь, – отвечал старец сурово.

– Это твой звездолет? Не подбросишь нас хоть куда-нибудь?

– Терпение, терпение, – наставительно произнес тот.

– О'кей, – заметил Форд. – Просто очень скоро эту планету взорвут.

– Мне это известно, – ответил Слартибартфаст.

– Я так, просто напомнить хотел, – сказал Форд.

– Принято к сведению.

– И если ты считаешь, что тебе действительно необходимо слоняться по крикетной площадке в такой момент...

– Считаю.

– Ну, корабль ведь твой.

– Именно.

– Я так и понял. – Форд резко отвернулся.

– Привет, Слартибартфаст, – наконец-то выдал из себя Артур.

– Привет, землянин, – ответил Слартибартфаст.

– В конце концов, – заметил Форд, – двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Старец, пропустив эти слова мимо ушей, внимательно, с непонятным в данной ситуации волнением следил за происходящим на поле. А там происходило всего лишь то, что люди столпились на площадке вокруг ее середины. Что Слартибартфаст в этом нашел такого интересного, ведал он один.

Форд что-то мурлыкал под нос. Конкретно – всего лишь одну ноту, повторяющуюся через определенные интервалы. Он таил надежду, что кто-нибудь спросит: «Что это ты мурлычешь?» – но никто не спрашивал. Если бы его спросили, он бы ответил, что все время мурлычет первую строчку песни «Психология любви». Тогда бы ему заметили, что он поет только одну ноту, на что бы он ответил, что по очевидным, как ему кажется, причинам он опустил кусочек «ология любви». Но никто этого не спрашивал, и Форд злился.

– Тут одна подробность, – взорвался он наконец, – если мы не поторопимся смыться, то рискуем вновь влипнуть во всю эту историю. А для меня нет более печального зрелища, как разрушение планеты. Хуже может быть только одно – наблюдать за ее разрушением с ее же поверхности. Или, – добавил он почти под нос, – наблюдать крикетные матчи.

– Терпение, – вновь заявил Слартибартфаст. – Назревают великие события.

– Когда мы последний раз виделись, вы сказали то же самое, – заметил Артур.

– Так оно и вышло, – сказал Слартибартфаст.

– Верно, – признал Артур.

Однако казалось, если что тут и назревало, так только какая-то церемония. Она была срежиссирована скорее для блага телезрителей, чем просто зрителей, и со своего места в толпе они могли следить за ней только по сообщениям ближайшего репродуктора. Форд всячески демонстрировал агрессивную индифферентность к происходящему.

Морщась, он выслушал пояснение, что сейчас на поле произойдет вручение «Урны с Пеплом» капитану команды Англии, весь скукожился при известии, что данная команда заслужила этот приз, выиграв турнир в энный раз, буквально взлаял от злобы после сообщения, что «Пепел» – это останки столбика крикетной калитки, а когда (ну куда уж дальше!) от него

потребовали смириться с фактом, что вышеупомянутый столбик был сожжен в австралийском городе Мельбурне в 1882 году, в знак «смерти английского крикета», Форд развернулся к Слартибартфасту, набрал в грудь воздуха – но ничего не сказал, потому что старца рядом с ними уже не было. Он шествовал к центру поля ужасающе решительной поступью, и его борода, волосы и одеяние развевались по ветру – вылитый Моисей на горе Синай, только в роли Синая сейчас выступала холеная лужайка, а не грозный вулкан в косматом дыму, каким его обычно изображают.

– Он сказал подождать у его корабля, – сообщил Артур.

– Да что этот старый дурак собрался делать, вакуум его заарктурь? – взорвался Форд.

– Подойти к своему кораблю через две минуты, – пояснил Артур и пожал плечами, что обличало отсутствие всяких мыслей в его голове.

Приятельки направились к пресловутому кораблю. Их ушей достигли странные звуки. Они пытались их игнорировать, но все же не могли не заметить, что Слартибартфаст сварливо требует, чтобы серебряную урну с «Пеплом» отдали ему, ибо тот, по его словам, «жизненно важен для прошлого, настоящего и будущего Галактики», и что это заявление вызвало бурное веселье. Форд и Артур прикинулись, будто ничего не замечают.

Однако спустя миг стряслось нечто, чего невозможно было не заметить. Послышался ропот (будто сотня тысяч людей вымолвила: «Уф!»), и прямо над крикетным полем буквально сгустился из воздуха белый стальной звездолет. С легким жужжанием и крайне зловещим видом он завис над землей.

Какое-то время он бездействовал, словно ожидая, что люди займутся своими обычными делами, не порицая его за это висение.

Но тут же он совершил нечто очень необычное. Точнее, распахнул люки и выпустил из себя нечто необычное в количестве одиннадцати штук.

Роботы. Одиннадцать белых роботов.

И что самое удивительное, точно специально экипированные для данного мероприятия. Мало того что они были белые, под цвет униформы игроков, но они еще и держали в манипуляторах нечто вроде крикетных бит и крикетных мячей. Мало того, нижние сегменты их ног были защищены чем-то вроде белых щитков. На щитки тоже стоило подивиться – по-видимому, в них были вмонтированы реактивные двигатели, что позволило этим цивилизованным роботам спикировать к земле и начать убивать людей.

– Эй! – вскрикнул Артур. – Кажется, что-то началось!

– Беги в корабль, – завопил Форд, – знать ничего не хочу, беги в корабль. – И побежал. – Ничего не знаю, ничего не слышу, ничего не вижу, – причитал он на бегу, – это не моя планета, я сюда не просился, не хочу ввязываться, просто вытащите меня отсюда и отвезите куда-нибудь в бар, к людям, которые мне свои!

Над полем взметнулся столб пламени и дыма.

– М-да, похоже, сегодня все потусторонние силы в гости к нам... – радостно объявил репродуктор самому себе.

– Мне много не надо, – кричал Форд в уточнение своих предыдущих замечаний, – только рюмка крепкого виски и компания братьев по духу!

Он несея, как лань, замешкавшись лишь на миг, чтобы взять на буксир Артура, который среагировал было на катастрофу в своем обычном духе – замер с открытым ртом, ожидая, пока все кончится.

– Они играют в крикет, – бормотал Артур, еле поспевая за Фордом. – Клянусь, они в крикет играют. Не знаю, зачем им это надо, но так оно и есть. Они не просто убивают людей – они их подбрасывают вверх. Форд, нас подбрасывают!

И действительно, для того чтобы не поддаваться этому первому впечатлению, надо было обладать весьма глубокими познаниями в истории Галактики (каковых Артур еще не успел

приобрести из-за своей кочевой жизни). Призрачные, но весьма агрессивные фигуры, шевелившиеся за толстой дымовой завесой, и впрямь будто пародировали удары нападающих. Разница была только в том, что посылаемые их битами мячи при соприкосновении с землей взрывались. И первый же взрыв развеял первоначальную надежду Артура, что это всего лишь рекламная затея австралийских фабрикантов маргарина.

А потом все завершилось – так же внезапно, как и началось. Одиннадцать белых роботов, тесно сгрудясь, вознеслись сквозь редеющее облако и, напоследок плюнув пламенем, скрылись в животе своего белого корабля, который с кратким ропотом (будто сотня тысяч людей вымолвила: «Фу!») немедленно растворился в том же воздухе, из которого раньше сгустился.

На несколько минут воцарилось изумленное безмолвие. Затем из клубов дыма вынырнула светлая фигура Слартибартфаста. Его сходство с Моисеем усилилось – несмотря на отсутствие горы, теперь он шел решительной поступью по горящей и дымящей холеной лужайке.

Он дико озирался по сторонам, пока не заметил, что Форд с Артуром пробираются сквозь испуганную толпу, которая шарахнулась прочь от поля. Вероятно, людей обуяла коллективная мысль «Ну и дела!», сопровождаемая единодушным чувством недоумения.

Слартибартфаст делал Форду с Артуром отчаянные знаки и что-то кричал. Все трое постепенно пробивались к звездолету старца, по-прежнему стоящему позади табло и по-прежнему не замечаемому бегущими мимо него зрителями – очевидно, у них хватало собственных проблем.

– Онизапелибрепел! – вскричал Слартибартфаст своим тонким, дребезжащим голосом.

– Что он сказал? – с трудом вымолвил Форд, работая локтями.

Артур покачал головой.

– Онизавялилеппе! – снова завопил Слартибартфаст.

– Это что-то важное, – рассудил Артур и окликнул старца.

– Они завяли лепел! – еще раз вскричал Слартибартфаст.

– Он говорит, что они забрали «Пепел». По-моему, – пояснил Артур, не сбавляя скорости.

– Что они... – переспросил Форд.

– «Пепел», – сухо ответил Артур. – Остатки сожженного столбика. Это крикетный приз. Вот... – вымолвил он, задыхаясь, – ... за чем... они... прилетали... – С этими словами он легонько мотнул головой, словно пытаясь утрясти свой мозг.

– Странная весть, – процедил Форд.

– Станный трофей.

– Станный звездолет.

Они достигли цели. Действительно, звездолет Слартибартфаста производил вдвойне странное впечатление. Во-первых, из-за ННП-поля. Теперь они могли ясно видеть звездолет в его истинном обличье просто потому, что знали о его наличии здесь. Однако, судя по всему, больше никто его не замечал. И не потому, что звездолет был невидим. Процедура превращения какого-либо объекта из зримого в незримый столь трудоемка, что в 999 999 999 случаях из миллиарда гораздо проще и эффективнее просто убрать этот объект куда подальше и обойтись без него.

Эффрафакс Вугский, маг-суперзвезда от науки, однажды поставил на кон свою голову, что за год сумеет сделать абсолютно невидимой великую мегагору Меграмал.

Когда он притомился тщетно обрабатывать гору массивными отбелизаторами, аннигиляторами рефракции и спектральными астраломылками, ему открылось, что за оставшиеся девять часов он вряд ли выполнит зарок.

Тогда он, и его друзья, и друзья его друзей, и знакомые друзей его друзей, и друзья знакомых друзей его друзей, и довольно шапочные знакомые друзей знакомых друзей его друзей, которые зато владели крупным межзвездным трансгентством, за одну ночь совершили вели-

чайший трудовой подвиг в истории человечества. И естественно, на следующее утро Меграмал больше не был виден. Однако Эффрафакс все же проиграл пари – и лишился головы – из-за педантизма некоего арбитра, обратившего внимание на то, что: а) при прохождении через место, где следовало находиться Меграмалу, он ни обо что не споткнулся и не расшиб себе лоб и б) в небесах засияла какая-то подозрительная новая луна.

Поле «Не Наша Проблема» куда проще в использовании и эффективнее, а главное, целых сто лет может работать от одной «пальчиковой» батарейки. Дело в том, что принцип его работы основан на свойственной людям естественной предрасположенности не видеть ничего из того, чего видеть не желаешь, увидеть не предполагаешь или не можешь себе объяснить. Если б Эффрафакс покрасил гору в ярко-розовый цвет, а сверху водрузил недорогой генератор ННП-поля, люди так и ходили бы мимо горы, вокруг нее, даже по ее склонам – ничуть не подозревая о ее присутствии.

Тот же самый эффект наблюдался и в случае с кораблем Слартибартфаста. Правда, он не был ярко-розовым, но это вовсе не значит, что внешне он ничем не выделялся. Отнюдь.

И тут мы подходим к еще одной и главной причине его странности. Он лишь частично походил на нормальный звездолет с дюзами и соплами, аварийными люками и стабилизаторами. Другой же своей частью он был точь-в-точь маленькое итальянское бистро, только поставленное вверх тормашками.

Форд и Артур воззрились на него с крайним удивлением и острым чувством обиды за хороший вкус.

– Знаю, – вымолвил нагнавший их Слартибартфаст, задыхаясь и волнуясь, – но тому есть причины. Залезайте, нам пора. Древнее Зло встало из могилы. Над всеми нами простерты крыла смерти. Вылетаем без промедления.

– Надеюсь, куда-нибудь, где солнышко светит, – проговорил Форд.

Наши герои взошли вслед за Слартибартфастом на борт и были столь ошарашены увиденным внутри, что совершенно не заметили нового странного происшествия снаружи.

Звездолет (да-да, еще один, просто звездолетопад какой-то), только на сей раз изящный и серебряный, спустился с небес на площадку – тихо, как-то даже интеллигентно, совершая опорам балетные па во славу технического прогресса.

Он мягко приземлился. Выдвинул невысокий трап. По трапу решительной походкой сошла высокая серо-зеленая фигура и приблизилась к маленькой кучке людей, которые окружали жертв недавней абсурдной бойни. Сдержанно, но властно отстраняя людей со своего пути, фигура пробралась к мужчине, который лежал при последнем издыхании в жуткой луже крови. Безусловно, вся земная медицина была уже не в силах его спасти. Фигура тихо преклонила перед ним колени.

– Артур Филип Деодат? – спросила она.

Мужчина, с ужасом и смятением в глазах, слабо кивнул.

– Ты никчемный кретин, – сообщило существо. – Намой взгляд, тебе следовало это узнать перед уходом в мир иной.

Глава 5

Немаловажные факты из истории Галактики.

Факт номер два.

(Заимствовано из многотомника «Сидерическое собрание цитат на каждый день». Том «Популярная история Галактики»)

С самого появления этой Галактики великие цивилизации возникали и рассыпались в прах, возникали и рассыпались в прах, то возникали, то рассыпались в прах столь часто, что так и тянет заявить, будто жизнь в Галактике:

а) давно уже мучается головокружениями от всей этой ряби в глазах (времякружениями, историкакружениями и т. д.) и б) просто глупа.

Глава 6

Артуру почудилось, будто весь небосвод, галантно посторонившись, уступил им дорогу.

Ему почудилось, будто атомы его мозга и атомы космоса струятся друг сквозь друга.

Ему почудилось, что его уносит ветер Вселенной, причем этот ветер – он сам.

Ему почудилось, будто он – одна из мыслей Вселенной, а Вселенная – одна из его мыслей.

Людям на крикетной площадке «Лордз» почудилось, что еще один ресторан возник и вылетел в трубу, как оно часто бывает с ресторанами в Северном Лондоне, и что это «Не Наша Проблема».

– Что случилось? – спросил Артур с глубоким благоговением.

– Мы взлетели, – пояснил Слартибартфаст.

Артур неподвижно лежал на диване – амортизаторе ускорения и никак не мог рассудить, что именно только что пережил – то ли воздействие «взлетного эффекта», то ли мистическое озарение.

– Хороша лошадка, – заметил Форд, безуспешно пытаясь скрыть свое восхищение маневром корабля, – жаль, с дизайном ей не повезло.

Старец ответил не сразу. Он созерцал приборы с видом человека, который пытается перевести градусы Фаренгейта в градусы Цельсия, пока его дом горит. Но тут же просияв, перевел взгляд на широкий экран панорамного обзора, где струились, головокружительно сплетаясь и расплетаясь вокруг корабля, серебряные нити. То были звезды.

Слартибартфаст шевелил губами, точно размышляя над орфографией какого-то слова. Внезапно его взгляд тревожно метнулся к приборам, но лицо оставалось всего лишь буднично-хмурым. Он опять воззрился на экран. Сам себе сосчитал пульс. Еще мрачнее сдвинул брови – и наконец успокоился.

– Нет смысла ломать голову над действиями машин, – заявил он, – только зря нервничаешь. Ты что-то сказал?

– Дизайн, – повторил Форд. – Выражаю свое соболезнование насчет него.

– В глубинах фундаментального сердца духа и Вселенной, – сказал Слартибартфаст, – кроется причина тому.

Форд саркастически огляделся по сторонам. По-видимому, он полагал, что мнение Слартибартфаста слишком оптимистично.

Интерьер тесной, сумрачной рубки был выдержан в темно-зеленых, темно-красных и темно-коричневых тонах. Как ни странно, и тут моделью послужило маленькое итальянское бистро. Маленькие круги света выхватывали из мглы горшки с цветами, блестящие изразцы и разнообразные непонятные медные причиндалы.

Оплетенные соломой бутылки поджидали неосторожных путников в засаде.

Приборы, столь занимавшие внимание Слартибартфаста, были вмонтированы в донца бутылок, которые, в свою очередь, были заделаны в бетонную стену.

Форд протянул руку и потрогал приборную доску.

Фальшивка. Пластмасса под бетон. Поддельные бутылки в поддельном бетоне.

«Фундаментальное сердце духа и Вселенной может отдыхать, – подумал он, – это все туфта». С другой стороны, нельзя было отрицать, что по сравнению с этим проворным кораблем «Золотое сердце» казалось детской коляской.

Он вскочил с дивана. Отряхнулся. Глянул на Артура – тот тихо напевал себе под нос. Глянул на экран – и не узнал ни единого созвездия. Глянул на Слартибартфаста.

– Какое расстояние мы сейчас преодолели? – спросил Форд.

– Примерно... – задумался Слартибартфаст, – примерно две трети диаметра галактического диска. Грубо говоря, конечно. Да, сказал бы я, около двух третей.

– Странное это дело, – тихо проговорил Артур, – чем быстрее и дальше путешествуешь по Галактике, тем менее важным кажется твое местоположение в ней, и тебя охватывает глубокое, точнее, опустелое чувство... этого самого...

– Да, очень странно, – согласился Форд. – А куда мы держим путь?

– Мы держим путь, – объявил Слартибартфаст, – на битву с Древним Злом Вселенной.

– А где ты собираешься нас высадить?

– Мне понадобится ваша помощь.

– Круто. Послушай, ты можешь подбросить нас до одного веселенького местечка, сейчас вспомню название, там можно чудесно надраться под какую-нибудь жутенькую музыку.

Погоди, сейчас уточню. – Он вытащил «Путеводитель» и просмотрел по диагонали страницы указателя, специально посвященные вопросам секса, наркотиков и рок-н-ролла.

– Из мглы времен восстало великое проклятие, – сказал Слартибартфаст.

– Да, бывает, – заметил Форд. – А-а, – воскликнул он, сосредоточившись на первом попавшемся имени. – Эксцентрика Гамбитус, ты ее когда-нибудь видел? Троегрудая путана с Эротикона-6. Поговаривают, что у нее эрогенные зоны начинаются милях в четырех от тела как такового. По-моему, врут. Я считаю, что в пяти.

– Сие проклятие, – не унимался Слартибартфаст, – пройдет по Галактике с огнем и мечом. И может стать, приведет к безвременной гибели всю Вселенную. Я не шучу.

– Хорошенькая перспектива, – заметил Форд. – Надеюсь, когда до этого дойдет, я буду в стельку пьян. Во-от, – добавил он, тыча пальцем в экран «Путеводителя», – вот воистину жуткое местечко. Туда-то мы и отправимся. Что скажешь, Артур? Очнись, перестань бурчать свои мантры. Дело есть.

Артур привстал с дивана и помотал головой:

– Куда мы летим?

– На битву с Древним...

– Замнем, – вмешался Форд. – Артур, мы бороздим Галактику в поисках развлечений. Тебе это по силам?

– Что это Слартибартфаст так волнуется? – спросил Артур.

– Да так, ничего особенного, – сказал Форд.

– Грядет катастрофа, – заявил Слартибартфаст. – Пойдемте, – добавил он с неожиданной властью, – я должен вам многое показать и поведать.

Он прошел к зеленой винтовой лестнице из кованого железа, непонятно зачем помещенной в середине рубки, и начал всходить по ней. Артур хмуро поплелся за ним.

Форд, надувшись, засунул «Путеводитель» назад в сумку.

– У меня врачи нашли недоразвитость железы общественного долга и врожденный порок морального ядра личности, – пробормотал он под нос, – ну разве мне можно доверить спасение Вселенной, сами посудите?

И тем не менее поднялся по лестнице вслед за сотоварищами.

Наверху их глазам предстала совершенно бредовая картина. Во всяком случае, такой она казалась на первый взгляд. Замотав головой, Форд закрыл лицо руками и нечаянно отфутболил к стене подвернувшийся под ногу цветочный горшок.

– Основной вычислительный центр, – невозмутимо пояснил Слартибартфаст. – Здесь производятся все вычисления, обеспечивающие жизнедеятельность корабля. Да, я в курсе, на что он похож, но в реальности это сложный четырехмерный топографический график целого ряда весьма замысловатых математических функций.

– Похоже на балаган, – сказал Артур.

– Я сам знаю, на что это похоже, – отрезал Слартибартфаст и вошел в пресловутое помещение.

Тут Артура посетила некая неясная догадка относительно смысла представшего перед ним зрелища, но он поспешил ее отбросить. «Может ли быть, что это и есть истинное устройство Вселенной? – спросил он себя. – Нет, чушь какая-то... Это было бы абсурднее, еще абсурднее...» И замялся. Большую часть всех абсурдных вещей, какие приходили ему в голову, он уже повидал наяву.

А эта была не хуже прочих.

Большой стеклянный ящик, этакий аквариум – точнее, целая комната.

В ней стоял стол. Длинный стол. Вокруг него – около дюжины стульев. Венских. Стол был покрыт скатертью – неказистой скатертью в красную и белую клетку, на которой кое-где зияли прожженные дыры – положение всякой из них, по-видимому, имело глубокий математический смысл.

А на скатерти пребывало с полдюжины тарелок с недоеденными итальянскими кушаньями. Им составляли компанию недоеденные ломти хлеба и недопитые бокалы вина. Всеми этими причиндалами вяло манипулировали роботы.

Все это было искусственным. Робот-официант, робот-буфетчик и робот-метрдотель обслуживали роботов-клиентов. Искусственная мебель, искусственная скатерть. И каждая частичка еды была, по-видимому, наделена всеми механическими свойствами, например, «цыпленка-алла-романа», на деле им не будучи.

И все двигалось, приплясывало, трепыхалось. Этакий замысловатый балет меню, счетов, бумажников, чековых книжек, кредитных карточек, часов, карандашей и бумажных салфеток. Последние все время так и рвались в полет, но почему-то все же оставались на месте.

Слартибартфаст быстрым шагом вошел в «аквариум» и, судя по всему, затеял какой-то пустой разговор с метрдотелем, а один из роботов-клиентов, авторазмякающая модель, меж тем тихо сполз под стол, не переставая рассказывать, что именно собирается сделать с неким типом из-за некой девушки.

Слартибартфаст занял освободившееся благодаря этому происшествию место и окинул суровым взглядом меню.

Темп застольных манипуляций неуловимо ускорился. Вспыхнули споры, посетители кинулись рисовать на салфетках иллюстрации своей правоты. Они дико жестикулировали и пытались сравнивать свои порции курятины с чужими. Рука официанта заскользила по листкам блокнота с недостижимым для человека проворством, а затем еще быстрее, так что в глазах зарябило. Темп все возрастал. Вскоре всех собравшихся обуяла необыкновенная, настоящая вежливость. Не прошло и нескольких секунд, как внезапно было достигнуто согласие. Новая вибрация сотрясла корабль.

Слартибартфаст покинул стеклянную комнату.

– Бистроматика, – пояснил он. – Самая мощная из известных паранауке вычислительных сил. А теперь – в Зал информационных иллюзий.

Форд с Артуром поспешили за ним как околдованные.

Глава 7

Бистроматическая тяга – это чудесный новый способ преодоления необъятных космических расстояний без необходимости затевать опасный флирт со всякими там факторами невероятности.

Бистроматика как таковая являет собой революционно-новый подход к интерпретации поведения чисел. Подобно открытию Эйнштейна, что время не есть абсолют, но зависит от движения наблюдателя в пространстве, а пространство не есть абсолют, ибо зависит от движения наблюдателя во времени, ныне установлено, что числа не абсолютны, но зависят от движения наблюдателя в ресторанах.

Первое не-абсолютное число – это число людей, на которое заказан столик. Оно меняется в период первых трех телефонных звонков в ресторан, а потом, как выясняется, и отдаленно не совпадает с истинным числом явившихся на ужин, а также с количеством людей, которые присоединяются к ним после спектакля/концерта/матча/вечеринки, и с количеством людей, которые спешат ретироваться при виде новоприбывших.

Второе не-абсолютное число – это оговоренный час сбора приглашенных, который, как ныне известно, представляет собой одно из сложнейших математических понятий – реситуасексулузон, число, о котором с уверенностью можно сказать лишь одно – оно равно чему угодно, только не самому себе. Другими словами, оговоренный час сбора – это один-единственный момент времени, в который абсолютно невозможно появление любого из членов компании. В настоящее время реситуасексулузоны играют ключевую роль во многих отраслях математики, в том числе в статистике и бухгалтерии, а также являются элементами основных уравнений, управляющих генерацией ННП-поля.

Третий и самый загадочный образчик не-абсолютности кроется в соотношении между количеством включенных в счет блюд, стоимостью каждого блюда, числом людей за столом и суммой, которую каждый из них готов заплатить (количество людей, которые действительно прихватили с собой деньги – лишь субфеномен вышеуказанного поля).

Досадные раздоры, обычно начинающиеся на этом этапе, испокон веку оставались вне поля зрения науки просто потому, что никто не воспринимал их всерьез. Эти проблемы обычно относили на счет таких абстракций, как вежливость, грубость, скупость, задиристость, усталость, эмоциональность или поздний час. Причем наутро участники напрочь забывали о произошедшем. Разумеется, никто и не подвергал эти проблемы лабораторному анализу, поскольку в лабораториях такого не случалось – во всяком случае, в приличных, которым можно верить.

Только пришествие карманных компьютеров пролило свет на умопомрачительную истину. Вот она:

Числа, записываемые в счета на территории ресторанов, не подчиняются математическим законам, которые управляют числами, записываемыми на любых других листках бумаги в любых других уголках Вселенной.

Этот простой факт вызвал бурю в научном мире. Произошла настоящая революция. Хорошие рестораны стали ареной стольких математических конференций, что многие из лучших умов своего времени скончались от тучности и сердечных болезней, что отбросило теоретическую математику на много лет назад.

Однако постепенно люди начали осознавать смысл этого тезиса. Вначале он казался слишком голым, слишком безумным, слишком похожим на те, о которых человек с улицы скажет бы: «Ну как же, я и сам до этого давно уже додумался». Затем были изобретены словесные формы типа «Интерактивно-субъективное моделирование», и все смогли вздохнуть спокойно и заняться делом.

Маленькие группки монахов, которые взяли за обычай болтаться около крупных научных институтов и петь странные псалмы во имя идеи, что Вселенная – лишь крупница ее собственного воображения, куда-то сгинули после того, как получили от правительства дотацию на организацию уличных представлений.

Глава 8

– При передвижении по космосу, знаете ли... – проговорил Слартибартфаст, возясь с оборудованием Зала информационных иллюзий, – ... при передвижении по космосу... – Не договорив, он принялся озиаться по сторонам.

После фантасмагорического балагана «основного вычислительного центра» Зал информационных иллюзий был настоящим отдохновением для глаз. В нем не было ничего. Ни информации, ни иллюзий – только они трое, белые стены да несколько мелких устройств, которые, по-видимому, следовало подключить к некой розетке. Ее-то и пытался найти Слартибартфаст.

– Ну и? – тревожно спросил Артур. Он заразился у Слартибартфаста беспокойством, хоть и не понимал его причин.

– Что «ну и»? – поинтересовался старец.

– Вы начали говорить...

Слартибартфаст пронзительно взглянул на него и заявил:

– Числа – настоящий бич божий.

После чего возобновил розыски.

Артур мудро кивнул сам себе. Однако через некоторое время до него дошло, что он недалеко продвинулся и все же следует спросить: «Это в каком плане?»

– При передвижении по космосу, – повторил Слартибартфаст, – числа – настоящий бич божий.

Артур опять кивнул и умоляюще покосился на Форда, но тот репетировал мину униженного и оскорбленного – не без успеха.

– Я только, – продолжил Слартибартфаст со вздохом, – я только хотел предупредить ваш вопрос и заранее пояснить, почему на моем корабле все вычисления производятся в блокноте официанта.

Артур наморщил лоб:

– А почему на вашем корабле все вычисления... – И прикусил язык.

Слартибартфаст сказал:

– Потому что при передвижении по космосу числа – настоящий бич божий. – Чувствуя, что собеседники все еще недоумевают, он снизошел до разъяснений: – Слушайте. У официанта в блокноте числа пляшут. Вы наверняка сталкивались с этим феноменом в жизни.

– Ну...

– У официанта в блокноте реальное и ирреальное вступают в противоборство на столь глубинном уровне, что одно переходит в другое и наоборот, благодаря чему возможно практически все при соблюдении определенных принципов.

– А что это за принципы?

– Сформулировать их невозможно, – сказал Слартибартфаст. – Собственно, невозможность их формулирования и есть один из самих этих принципов. Странно, но факт. По крайней мере мне это кажется странным, – добавил он, – а то, что это факт, я знаю по опыту.

Тут он обнаружил в стене искомое отверстие и с хрустом воткнул в него вилку прибора.

– Не пугайтесь, – сказал он и немедленно испуганно воззрился на прибор, – это...

Конца его фразы Форд с Артуром не услышали, ибо в этот момент корабль, в котором они находились, просто испарился. Из тьмы прямо на них вылетел, изрытая лазерный огонь, боевой звездокрейсер размером с небольшой промышленный город.

Слепящий свет, подобно цунами, захлестнул мрак и откатился, унося с собой большой кусок планеты, что висела прямо под их ногами.

Форд с Артуром так и обмерли, подавившись собственным воплем.

Глава 9

Другая планета, другой рассвет совсем другого дня.

Неслышно появилась узенькая серебряная каемка ранней зари.

Несколько биллионов триллионов тонн сверхразогретых, лопающихся ядер водорода медленно вознеслись над горизонтом, прикинувшись при этом маленькими, холодными и чуточку сырыми.

В каждом рассвете есть миг, когда свет не льется вниз, а парит, миг, когда возможно чудо. У всего мира перехватывает дыхание.

Этот миг пришел и миновал без происшествий, как и бывало обычно на Зете Прутивнобендзы.

Над болотами расстился туман, обесцвечивая деревья, обращая высокие заросли осоки в сплошные стены. Туман висел неподвижно, точно то самое перехваченное на полдороге дыхание.

Ничто не шевелилось.

Царила тишина.

Солнце нехотя попыталось одолеть туман, пробуя то тут добавить немножко тепла, то вон туда запустить несколько лучиков, но, судя по всему, сегодня его ожидала очередная тягостная прогулка от горизонта до горизонта.

По-прежнему ничто не шевелилось.

И тишина без конца.

На Зете Прутивнобендзы целые дни подобной бездвижности случались очень часто, и этот обещал ничем не отличаться от прочих.

Спустя четырнадцать часов солнце хмуро опустилось за противоположный горизонт с чувством зазря потраченного труда.

А спустя еще несколько часов вылезло вновь, расправило плечи и опять принялось карабкаться вверх по небу.

Однако на сей раз внизу что-то происходило. Какой-то матрасс только что повстречался с каким-то роботом.

– Здравствуй, робот, – поздоровался матрасс.

– Фгм, – произнес робот и вернулся к своему занятию, а именно очень медленному хождению по очень маленькому кругу.

– Вам весело? – спросил матрасс.

Робот, остановившись, уставился на матрасса. С большим ехидством. Однако матрасс попался какой-то уж очень глупый и лишь воззрился на него в ответ круглыми глазами.

Досчитав про себя до десяти значительных десятиричных концептов (то есть отмерив паузу, призванную выразить общее презрение ко всем матрассам и самой идее матрассности), робот вновь принялся описывать миниатюрные круги.

– Мы могли бы побеседовать, – сказал матрасс, – хотите?

Матрасс был крупный, по-видимому, один из лучших в своем роде. В наше время мало что производится на фабриках, поскольку в бесконечно огромной Вселенной – например в нашей – большинство вещей и предметов, какие только может вообразить человек (а также масса абсолютно невообразимых), где-нибудь да произрастает само.

Недавно был открыт лес, где почти все деревья в качестве плодов дают отвертки с храповиком. Жизненный цикл отвертки с храповиком весьма занятен. После сбора ее следует положить в темный пыльный ящик и не трогать много лет. Затем однажды ночью она внезапно созревает, отбрасывает внешнюю оболочку, которая рассыпается в прах, и выходит на свет божий в обличье крайне загадочного маленького металлического предмета с фланцами

с обоих концов, чем-то вроде дырки под винт и чем-то вроде гребешка. Когда ее находят, то выкидывают на помойку. Никто не знает, что за радость находит отвертка в подобной жизни. Вероятно, природа – в своей безмерной мудрости – работает над этим.

Также никому не известно, что за радость находят в своем образе жизни матрассы. Это крупные, благодушные, чехольно-пружинные существа, живущие тихой, уединенной жизнью в болотах Зеты Прутивнобендзы. Многие из них попадают в силки охотников, после чего их убивают, высушивают, экспортируют и кладут на кровати, чтобы люди на них спали. Ни одного матраса это, по-видимому, не удручает. Всех их зовут одинаково – Зем.

– Нет, – заявил Марвин.

– Я – Зем, – представился матрасс. – Мы могли бы перекинуться словечком о погоде.

Марвин отвлекся от своего утомительного кругового обхода.

– Роса, – заметил он, – выпала сегодня на растительность с редкостно отвратительным хлюпающим звуком.

И вновь зашагал. По-видимому, это словесное излияние вдохновило его на новый взлет к высотам уныния и отчаяния. Он упорно работал суставами. Будь у него зубы, он скрипел бы ими. Но зубы ему не требовались. Все было ясно из самой его походки.

Матрасс флёлал вокруг него. Глагол «флёлать» обозначает действие, посильное лишь живым матрассам на болоте, чем и объясняется малораспространенность этого слова. Он флёлал сочувственно, активно колыхая при этом воду. Гладь болота украсилась очаровательными пузырьками. Робкий солнечный луч, случайно пробившийся сквозь туман, высветил синие и белые полосы на шкуре матрасса, чем немало его напугал.

Марвин шагал.

– Видимо, вы поглощены размышлениями, – плучительно сказал матрасс.

– Глубже, чем вы можете вообразить, – процедил Марвин. – Мощност моей мыслительной деятельности на всех ее уровнях и во всех ее аспектах столь же безгранична, как бескрайние просторы самой Вселенной. И только мощност моего блока счастья подкачала.

Хлюп, хлюп – шагал он по болоту.

– Мощност моего блока счастья, – пояснил он, – можно уместить в спичечный коробок. Не вынимая спичек.

Матрасс момнухнул. Это звук, который издают живые матрассы в своей естественной среде обитания, приняв близко к сердцу чью-то повесть о жизненной драме. Другое значение этого слова (согласно «Ультраполному максимегалонскому словарю всех возможных языков и наречий») – это звук, который вырвался у Его Светлости лорда Соньвальтэпа Пустецийского, когда до него дошло, что он второй год подряд позабыл о дне рождения своей жены. Поскольку в истории был лишь один Его Светлост лорд Соньвальтэп Пустецийский, да и тот умер холостяком, слово употребляется лишь в отрицательном или в гипотетическом смысле. Ширится мнение, что «Максимегалонский словарь» не заслуживает целого полка грузовиков, который используется для транспортировки его микрофильмированной версии. Как ни странно, за пределами словаря осталось слово «плучительно», означающее просто-напросто «с плучительно-стью».

Матрасс момнухнул еще раз.

– Осмелюсь заметить, что ваши диоды полны глубокой печали, – включал он (чтобы узнать значение слова «включать», купите либо трактат «Речь жителей болот Прутивнобендзы» – имеется на любом складе уцененных книг, либо «Максимегалонский словарь», чем страшно порадуете университет, вынужденный отводить под его хранение свою драгоценную автостоянку), – и это меня очень огорчает. Попытайтесь взять пример с нас, матрассов. Мы живем тихой, уединенной жизнью на болоте, радостно флёлаем и включим, а на сырость смотрим плучительными глазами. Некоторые из нас гибнут от рук охотников, но, поскольку всех нас зовут

Земами, утраты проходят незамеченными, и момнуханье, таким образом, остается минимальным. Почему вы ходите кругами?

– Потому что у меня нога завязла, – сказал Марвин без обиняков.

– На мой взгляд, – сказал матрасс, сочувственно рассматривая вышеуказанную конечность, – это не такая уж замечательная нога.

– Вы правы, – сказал Марвин.

– Ву-ун, – заметил матрасс.

– Что я и ожидал услышать, – продолжил Марвин, – а также я ожидаю узнать, что идея робота с искусственной ногой вас немало забавляет. Можете рассказать это вместо анекдота своим друзьям Зему и Зему при первой же встрече – они животики надорвут, если я их знаю. (Естественно, я не знаю их лично, но я знаю природу всех органических живых существ, и гораздо более досконально, чем хотел бы.) Ха! О, жизнь моя – жестянка, жестянка на червячном ходу!

И снова побрел вокруг своей тонкой стальной ноги-протеза, которая вращалась в грязи, но никак не поддавалась.

– Но зачем вы все ходите и ходите кругами? – спросил матрасс.

– Выражаю свою позицию, – процедил Марвин, не переставая описывать круг за кругом.

– Считайте, что вы ее уже выразили, мой дорогой друг, – флюрбнул матрасс, – считайте, что вы ее уже выразили.

– Еще миллион лет, – заявил Марвин, – еще миллиончик. Тогда я попробую ходить задом наперед. Из чистой любви к переменам, сами понимаете.

Всеми фибрами своего пружинного сознания матрасс чувствовал, что робот горячо мечтает, чтобы его спросили, давно ли он совершает это бесплодное и бессмысленное топтание. Что матрасс и сделал, испустив еще одно легкое флюпчание.

– О, сущие пустяки. Примерно одну целую и пять десятых миллиона единиц времени. Около того, – сказал Марвин надменно. – Ну же, спросите, не бывает ли мне скучно.

Матрасс спросил.

Марвин не удостоил его ответа и лишь с усиленной демонстративностью заработал суставами.

– Однажды мне довелось произнести речь, – сказал он внезапно, как бы безо всякой связи с предыдущим. – Возможно, до вас не сразу дойдет, что именно навело меня на это воспоминание, – таков уж мой мозг. Скорость его функционирования феноменальна. Если грубо округлить параметры, я в тридцать биллионов раз интеллектуальнее вас. Для примера – задумайте число, любое число.

– Э-э, пять, – сказал матрасс.

– Неверно, – пробурчал Марвин. – Вот видите?

Это произвело на матрасса весьма сильное впечатление. Он осознал, что удостоился знакомства с носителем незаурядного ума. Матрасс заулыбался с головы до пят, отчего гладь мелкой, заросшей ряской протоки подернулась восторженной рябью.

А потом даже гумкнул от избытка чувств.

– Расскажите о речи, которую вам однажды довелось произнести, – взмолился он. – Жду с нетерпением!

– Она была принята очень плохо, – сказал Марвин, – по многим причинам. Я выступил с ней, – тут он выдержал паузу, чтобы сделать неуклюжий жест своей здоровой рукой (относительно здоровой по сравнению с другой, наглухо приваренной к его корпусу слева), – во-он там, примерно в миле отсюда.

Еле-еле – подчеркнуто еле-еле – удерживая на весу руку, он простер ее к участку болота за туманом и зарослями, удивительно похожему на все другие участки болота.

– Вон там, – повторил он. – Тогда я был в некотором смысле знаменитостью.

Матрасс пришел в возбуждение. Он никогда не слышал, чтобы на Зете Прутивнобендзы выступали с речами, а тем более знаменитости. С его шкурки, заплимтавшей от умиления, во все стороны полетели брызги воды.

Затем он совершил нечто, что матрассы обычно делать ленятся. Собрав все силы, он выпрямил свое длинное тело, встал на дыбы и несколько секунд простоял на цыпочках, вглядываясь в туман. Он увидел место, указанное Марвином, и не был разочарован, осознав, что оно в точности похоже на все остальные участки болота. Тут силы матрасса иссякли, и он флюмкнулся обратно в протоку, обрушив на Марвина струю мокрой тины с водорослями и мхом.

– Мне довелось побыть знаменитостью, – скорбно завывал робот, – совсем недолго благодаря моему чудесному и весьма досадному спасению от удела, сравнимого разве что с такой удачей, как гибель в сердце пылающей звезды. По моему состоянию вы можете заключить, что я едва спасся. Меня выручил сборщик металлолома – можете себе это представить? Меня, мозг масштаба... ну да ладно.

Он сделал несколько яростных шагов.

– И он же снабдил меня этим протезом. Каков мерзавец? И продал меня в Психозоопарк. Я стал звездой экспозиции. Меня заставляли сидеть на ящике и рассказывать мою историю, а зрители уговаривали меня приободриться и мыслить позитивно. «Брось дуться, лапочка робот! – кричали они. – Ну-ка, улыбочку, усмешечку!» Я разъяснял, что для того, чтобы мое лицо изказила улыбка, нужно отнести его в мастерскую и часа два поработать над ним кувалдой. Эта фраза проходила на ура.

– Речь, – взмолился матрасс. – Жду с нетерпением вашего рассказа о речи на болоте.

– Над болотами был сооружен мост. Гипермост с кибернетическим интеллектом, во много сотен миль длиной, по которому должны были перебираться через болото ионные багги и товарные составы.

– Мост? – не поверил своим ушам матрасс. – Здесь, на болоте?

– Мост, – подтвердил Марвин. – Здесь, на болоте. Он был призван воскресить экономику системы Прутивнобендзы, напрочь подорванную расходами на его строительство. Они попросили меня открыть мост. Бедные кретины.

Начал моросить дождь. Мелкие капли едва просачивались сквозь туман.

– Я стоял на центральной платформе. В обе стороны, на сотни миль передо мной и на сотни миль позади меня, тянулось полотно моста.

– И он сверкал? – воскликнул очарованный матрасс.

– Сверкал-сверкал.

– Он гордо возносился над водами?

– Да, он гордо возносился над водами.

– Серебряной нитью пронзал незримый туман и скрывался за горизонтом?

– Еще как, – процедил Марвин. – Вы хотите дослушать эту историю или что?

– Мне хотелось бы услышать вашу речь, – заявил матрасс.

– Вот что я сказал. Я сказал: «Я хотел бы сказать, что выступить на открытии этого моста для меня большая честь, радость и удача, но не могу – все мои цепи лжи вышли из строя. Я ненавижу и презираю вас всех. На сем разрешите объявить это злополучное киберсооружение открытым для бездумных издевательств всякого, кого понесет нелегкая ступить на него». И я подключился к цепи открытия моста.

Марвин помедлил, отдавшись воспоминаниям.

Матрасс клюшивал и фнукивал. А также флёлал, гумкал и уйломикивал. Это последнее он совершал с большой плутительностью.

– Ву-ун, – враднул он наконец. – И это было величественное зрелище?

– Довольно величественное. Весь мост, мост длинный, титаночугунный, на тысячу миль, моментально свернул свое сверкающее полотно и с плачем утопился в трясине, унося с собой всех до последнего прутивнобендзянина.

На миг воцарилась скорбная тишина, но тут же ее нарушил громкий ропот (будто сотня тысяч невидимых людей вымолвила: «Уф!»), и с небес, точно пушинки с одуванчика, посыпались белые роботы. Правда, роботы сыпались не абы как, а четким военным строем. На миг болото буквально вскипело: роботы все разом накинулись на Марвина, оторвали его ногу-протез и вознеслись обратно на свой корабль, который вымолвил: «Фу!»

– Вот видите, с какими издевательствами мне приходится смиряться? – сказал Марвин момишкающему матрасу.

И вдруг роботы вернулись, снова начался кавардак, и на этот раз после их отлета матрас остался на болоте один. Он зафлёпал туда-сюда, ошеломленный и взволнованный. Он чуть не взлел со страху. Он встал на дыбы, чтобы заглянуть за заросли, но смотреть было не на что. Ни робота, ни сверкающего моста, ни корабля – одни камыши да ряска. Он прислушался, но в свист ветра вплетались лишь привычные голоса полусумасшедших энтомологов, перекликающихся через мрачную трясину.

Глава 10

Тело Артура Дента завертелось.

Окружающая его Вселенная распалась на мириады блестящих осколков, и каждый осколок тихо вращался в пустоте, отражая своей серебряной кожей все то же жуткое пиршество огня и смерти.

А потом тьма позади Вселенной взорвалась, и каждый лоскуток тьмы обернулся космическим дымом преисподней.

А потом и ничто, что находилось позади тьмы позади Вселенной, тоже раскололось вдребезги, а за этим ничто позади тьмы позади расколошмаченной Вселенной возникла черная фигура человека-исполина, который произносил исполинские слова.

– То были, – проговорила фигура, восседающая в исполинском мягком кресле, – крикитские войны, величайшая катастрофа в истории нашей Галактики. То, что вы испытали...

Слартибартфаст, проплывая мимо, помахал Артуру рукой.

– Это только документальный фильм, – вскричал он. – Не лучшее его место. Извините, бога ради, никак не найду клавишу перемотки...

– ... это удел биллионов биллионов невинных...

– Ни в коем случае, – прокричал Слартибартфаст, вновь проплывая мимо и яростно возясь с устройством, которое раньше воткнул в стену Зала информационных иллюзий; при ближайшем рассмотрении Артур сообразил, что оно по-прежнему торчало в стене, – не соглашайтесь ничего покупать.

– ... людей, существ, ваших братьев по разуму...

Взметнулась музыка – музыка под стать зрелищу, исполинская. Колоссальные аккорды. А за спиной человека из исполинских клубов мглы стали постепенно вырисовываться три высоких столба.

– ... это их жизненный, а чаще предсмертный опыт. Задумайтесь об этом, друзья мои. И давайте хранить память о том – через несколько минут я подскажу вам, как это сделать, – что до крикитских войн Галактика была чудо как хороша. То была счастливая Галактика!

Колоссальные аккорды ошалели от собственной весомости.

– Счастливая Галактика, друзья мои, а образ ее – Трикетная Калитка!

Теперь три столба различались ясно. Три столба с двумя поперечинами. Эта композиция почему-то показалась Артуру до идиотизма знакомой.

– Три столба, – гремел мужчина. – Стальной Столб – символ Силы и Мощи Галактики!

Лучи света бешено заплясали на столбе слева, действительно изготовленном из стали или чего-то очень похожего. Музыка рвала и метала.

– Плексигласовый Столб – символ могущества Науки и Разума Галактики!

Новые лучи озарили правый, прозрачный столб, закутав его в замысловатое световое кружево. Артуру Денту остро захотелось мороженого.

– И, – продолжал громоподобный голос, – Деревянный Столб – символ, – здесь бас слегка ошип от избытка умиления, – могущества Природы и Духовности!

Лучи переместились на центральный столб. Музыка бодро штурмовала небесное царство полной несказанности.

– И они поддерживают, – зашелся в истерике голос, – Золотую Перекладину Процветания и Серебряную Перекладину Мира!

Теперь все сооружение качалось в светящейся паутине, а музыка, к счастью, давно исчезла за горизонтами восприятия. Над тремя столбиками сияли, слепя глаза, две перекладины. Похоже, на них восседали не то девушки, не то ангелы. Правда, ангелы так не одеваются, точнее, не раздеваются.

Внезапно воцарилась драматическая тишина. Свет померк.

– Нет ни одной планеты, – отчеканил высокопрофессиональный голос ведущего, – нет ни одной цивилизованной планеты в Галактике, где и в наши дни ни почитали бы этот символ. Даже у примитивных племен он таится в родовой памяти. Вот оно – то, что разрушили орды Криккита, то, что теперь держит их планету в заточении и будет держать до скончания вечности!

И вальяжным жестом мужчина извлек из воздуха модель Трикетной Калитки. О ее масштабах судить было трудно, но, по-видимому, она была около метра высотой.

– Разумеется, это не подлинный ключ. Он, как известно всем, был уничтожен, развеян по извечным водоворотам пространственно-временного континуума и исчез навеки. А в моих руках точная копия, изготовленная руками народных умельцев. Пользуясь секретами древних мастеров, они любовно смонтировали этот сувенир, который украсит ваш дом – в напоминание о павших и в знак почтения к Галактике – нашей Галактике, – на алтарь которой они положили свои жизни...

Тут мимо вновь проплыл Слартибартфаст.

– Уф, нащупал, – сообщил он. – Сейчас промотаем всю эту чушь. Главное – не кивайте ему!

– А теперь преклоним наши головы в знак оплаты, – произнес голос, а потом пробормотал ту же фразу гораздо быстрее и задом наперед.

Огни зажглись и потухли, столбы исчезли, мужчина, пятясь, растворился в пустоте, а Вселенная проворно сложилась обратно в привычную картину.

– Уловили суть? – спросил Слартибартфаст.

– Я изумлен, – сказал Артур, – и потрясен.

– А я спал, – заявил вынырнувший откуда-то Форд. – Было что-то интересное?

И вновь они балансировали на краю ужасно высокого утеса. Ветер обдувал бухту, где останки одной из крупнейших и мощнейших космических флотилий в истории Галактики поспешно превращались из пепла в исходное состояние. Грязно-розовое небо померкло, посинело, вновь окуталось мраком. Клубы дыма струились с небосклона и влезали обратно в корабли.

Теперь события мелькали задом наперед с почти неподвластной глазу быстротой, и, когда вскорости огромный боевой звездокрейсер сбежал от них, точно они показали ему «козу», Форд с Артуром едва успели сообразить, что это и есть момент, когда они подключились к инфоиллюзии.

Но теперь все происходило слишком уж молниеносно – сплошное видеотактильное пятно, которое волокло их сквозь века галактической истории, крутясь, дергаясь, мерцая. Звук превратился в монотонный звон в ушах.

Периодически в головокружительном мельтешении событий они выделяли, скорее чутьем, чем зрением, ужасные катастрофы, кошмарные преступления, катаклизмы, и всегда они были связаны с определенными, вновь и вновь возникающими образами – единственными, которые ясно выступали из беспорядочной лавины исторических фактов: крикетная калитка, твердый красный мячик, беспощадные белые роботы, а также нечто смутное – что-то темное, закрытое облаками.

Также эта стремительная гонка по водопадам времени подарила им еще одно четкое ощущение.

Если последовательность размеренных щелчков, записанную на пленку, прокручивать с ускорением, одиночные щелчки постепенно сольются в постоянный, повышающийся тон. Аналогично последовательность отдельных впечатлений сливалась тут в единое чувство – хотя на чувство оно как-то не походило. Если это и было чувство, то абсолютно бесчувственное. То была ненависть, слепая ненависть. Она была холодна – и то был не ледяной хлад льда, но холод

стены. Она была безлична – не как неизвестно чей злобный вопль в толпе, но как отпечатанный на принтере квиток за неправильную парковку. И она была смертельно опасна – и вновь не на манер ножа или пули, но наподобие кирпичной стены поперек шоссе.

И аналогично повышающемуся тону, который, забираясь все выше и выше, будет по дороге менять характер и обретать мелодичность, так и это бесчувственное чувство возвысилось до невыносимого, если и немого, вопля. Внезапно почудилось, что это вопль вины и отчаяния.

И так же внезапно оно стихло.

В вечерней тиши они стояли на вершине холма.

Солнце клонилось к закату.

Вокруг них расстилались нежно-зеленые поля и луга. Птицы выражали в песнях свое мнение обо всем этом – по-видимому, благоприятное. Невдалеке слышались голоса играющих детей, а чуть подальше в раннем сумраке виднелся небольшой городок.

Похоже, в основном он состоял из низеньких зданий, построенных из белого камня. На горизонте маячили симпатичные круглые холмы.

Солнце почти закатилось.

Словно ниоткуда, зазвучала музыка. Слартибартфаст дернул за ручку, и она умолкла.

Какой-то голос произнес: «Это...» Слартибартфаст дернул за ручку, и он умолк.

– Я сам вам поясню, – прошептал старец.

То был мирный край. Артур пришел в безмятежное настроение. Даже Форд, похоже, повеселел. Они немного прошли в сторону города, и инфоиллюзия травы приятно пружинила под ногами, а инфоиллюзии цветов безупречно благоухали. И только Слартибартфаст ежился, точно ему было не по себе.

Старец остановился и поднял глаза к небу.

Артуру пришло в голову, что раз они добрались до конца, точнее, до начала всех ужасов, которые смутно пережили, сейчас должна стрястись беда. Ему не хотелось думать, что эту идиллическую страну постигнет несчастье. Он тоже задрал голову. В небе ничего не было.

– Что, неужели сейчас на это место нападут? – спросил он. Он сознавал, что находится внутри фильма, но все равно нервничал.

– Никто на это место не нападет, – сказал Слартибартфаст с неожиданным волнением в голосе. – Это исток всему. Это та самая планета и есть. Крикнит.

Он уставился вверх.

Небосвод – от горизонта до горизонта, с востока до запада, с севера до юга – был абсолютно черен.

Глава 11

Топ-топ.

Шшшшрр.

– Рада быть полезной.

– Затвори пасть.

– Спасибо.

Топ-топ-топ-топ-топ.

Шшшшрр.

– Спасибо, что осчастливили простую скромную дверцу.

– Чтоб твои диоды сгнили и выпали.

– Спасибо. Вам того же.

Топ-топ-топ-топ.

Шшшшрр.

– Польщена честью раскрыться перед вами...

– Сгинь.

– ... и премного довольна вновь затвориться с сознанием выполненного долга.

– Сгинь, тебе говорят, дурилка пластиковая.

– Спасибо за внимание.

Топ-топ-топ-топ.

– Уф!

Зафод остановился. Он уже много дней шлялся, не зная покоя, по «Золотому сердцу», но еще не было случая, чтобы какая-нибудь дверь сказала: «Уф!» Да и сейчас он был почти уверен, что «Уф!» исходило не от двери. Не характерное для дверной речи выражение. Чересчур осмысленное и лаконичное. Кроме того, в звездолете просто не нашлось бы столько дверей – пресловутое «уф» прозвучало так, будто его произнесли сто тысяч человек разом. А ведь Зафод был на борту один.

Было темно. Зафод отключил большинство второстепенных систем и механизмов. Корабль лениво дрейфовал где-то в галактической глуши, окруженный чернильно-черной пучиной космоса. Откуда здесь взяться сотне тысяч людей и что они хотели сказать этим своим «Уф!»?

Зафод огляделся по сторонам – то есть взглянул в оба конца коридора. И там и сям царил глухой мрак. Только тускло-розовые каемки вокруг дверей, мерцавшие в такт их речам, – Зафоду так и не удалось придумать, как заткнуть им глотки.

Свет он выключил, чтобы его головы не видели друг дружку, поскольку обе выглядели довольно погано – с самого того момента, когда Зафод сдуру заглянул к себе в душу.

Идиот, идиот и еще раз кретин.

Дело было поздно ночью – что правда, то правда.

Денек выдался тяжелый – тоже правда.

Музыка, доносившаяся из бортовых динамиков, рвала душу – ничего тут не поделаешь.

И само собой разумеется, он был слегка пьян.

Другими словами, имелись в наличии все предпосылки для приступа самокопания, но, как показала жизнь, поддаваться ему никак не следовало.

И теперь, стоя в молчании и одиночестве посреди темного коридора, он содрогнулся при воспоминании о содеянном. Левая голова посмотрела влево, а правая – вправо, и обе решили, что следует отправиться куда глаза глядят.

Он напряг слух, но больше ничего не слышалось.

Одно-единственное «Уф!», и все тут.

Зачем это понадобилось притаскивать сюда сто тысяч человек ради такой ерунды?

Он нервно двинулся в сторону рубки. По крайней мере там он будет чувствовать себя во всеоружии. И тут же остановился. В таком настроении к оружию лучше не прикасаться.

Он вновь задумался о происшедшем. Первым потрясением для него было открытие, что у него имеется душа как таковая.

Правда, он всегда подозревал о ее существовании, поскольку обладал полным комплектом стандартных органов (и даже двойным – кое-каких), но, внезапно обнаружив в глубине своего существа эту затаившуюся зверюшку, был крайне шокирован.

А потом был еще более крайне шокирован тем, что она оказалась, мягко говоря, не столь мила и очаровательна, сколь полагалось бы такому человеку, как он. Он почувствовал себя ограбленным.

После чего задумался, а настолько ли хорош, как ему кажется, – и, испытав новое потрясение, едва не уронил стакан (полный). И поторопился опустошить его, пока не случилось чего похуже. Затем поспешил влить в себя еще один – пусть догонит первый и составит ему компанию.

– Свобода, – произнес он вслух.

Тут в рубку вошла Триллиан и произнесла несколько комплиментов свободе.

– Не могу я с ней сжиться, – мрачно вымолвил он и выслал в свой желудок третий стакан: пусть найдет второй и выяснит, почему тот еще не доложил о здоровье первого. После чего подозрительно обозрел двух Триллиан и пришел к выводу, что та, что справа, ему больше по вкусу.

Зафод влил еще стакан в свою другую глотку. Стратегия заключалась в том, чтобы он перехватил предыдущий у скрещения дорог, и пусть соединенными силами поднимут дух второго. Затем пусть отправляются все втроем на поиски первого, поговорят с ним по-людски, споют ему колыбельную, что ли.

Не будучи уверен в понятливости четвертого стакана, он послал за ним пятый с дополнительными пояснениями и шестой чисто ради моральной поддержки.

– Ты слишком много пьешь, – сказала Триллиан.

Пытаясь совместить четырех Триллиан в единый образ, его головы столкнулись лбами. Он плюнул на это занятие и, переведя взгляд на навигационный экран, ахнул при виде беспрецедентного полчища звезд.

– Приклюса и чудесения, – пробормотал он.

– Послушай, – промолвила Триллиан сочувственным тоном и присела рядышком, – очень даже объяснимо, что некоторое время жизнь будет казаться тебе бесцельной.

Он только пялился на нее – ему еще не доводилось видеть девушку, способную сидеть на коленях у себя самой.

– Ни фиги себе, – с этими словами он выпил еще стакан.

– Ты завершил то, к чему шел много лет.

– Я к этой фигне не шел. Я, наоборот, от нее бегал.

– И все же довел это дело до конца.

Зафод крикнул. В его желудке точно черти свадьбу справляли.

– По-моему, это оно меня довело до ручки. Финиш. Вот он я, Зафод Библброкс. Куда пожелаю, туда и полечу, что на ум взбредет, то и выкину. У меня самый классный корабль во всем известном небе, девушка, с которой у меня все чудесно...

– Да?

– Ну, насколько я понимаю. Я не спец по межличн... межличностным взаи-мо-от-но-ше-ни-ям, во...

Триллиан только подняла брови.

– Перед тобой мужчина в полном расцвете сил, который может сделать все, что ему захочется, вот только что-то не хочется мне ни фи́га, ну ни фи́гошеньки...

Он помолчал.

– Порвалась, – добавил он, – ни с того ни с сего порвалась цепь причин и следствий...

И наперекор сказанному, неуклюже сполз под стол после еще одного стакана.

Пока он отсыпался, Триллиан заглянула в бортовой экземпляр «Путеводителя». Там есть кое-какие советы по поводу пьянства.

«Пейте смело, – рекомендует «Путеводитель», – и ни пуха вам ни пера».

Также там советовалось заглянуть в главу о необозримости Вселенной и методике примирения с этим фактом.

Затем Триллиан набрела на главку о Хэй-Виляй, экзотической планете-курорте, одном из чудес Галактики.

Планета Хэй-Виляй изобилует сказочно, непостижимо роскошными отелями и казино. Причем все они созданы трудами ветра и дождя – естественный процесс эрозии.

Вероятность подобного события равна примерно одному шансу из бесконечности. Его причины остаются тайной, так как ни одному из геофизиков, специалистов по статистике вероятностей, метеорологов-аналитиков и чудологов поездка на Хэй-Виляй не по карману.

«То, что надо», – решила Триллиан, и спустя несколько часов их огромный белый корабль в форме кроссовки уже вальяжно спускался с небес, украшенных жарко блестящим солнцем, к яркому космопорту-скале. Несомненно, «Золотое сердце» произвело здесь фурор, и Триллиан была польщена. Она услышала, как Зафод топчет и насвистывает где-то в недрах корабля.

– Как ты там? – спросила она по внутренней связи.

– Порядок, – ответил он бодро, – ужас как хорошо.

– Ты где?

– В туалете.

– И что ты там делаешь?

– Сажу.

– А скоро выйдешь?

– Нет, тут останусь.

Часа через два стало очевидно, что Зафод тверд в своем решении, и корабль вновь поднялся в небо, даже не спустив трапа.

– Охохонюшки! – воскликнул компьютер Эдди.

Триллиан терпеливо кивнула, побарабанила пальцами по столу и нажала кнопку внутренней связи:

– Думаю, в веселье из-под палки ты сейчас не нуждаешься.

– Видимо, нет, – ответил Зафод неизвестно откуда.

– Думаю, активный спорт поможет тебе не замыкаться на собственных переживаниях.

– Твои идеи – мои идеи, – согласился Зафод.

«ДОСУГ В МИРЕ НЕСБЫТОЧНОГО» – вот какой заголовок привлек внимание Триллиан, когда некоторое время спустя она вновь уселась на диван с «Путеводителем». И между тем как «Золотое сердце» несло с невероятной скоростью в неопределенном направлении, Триллиан прихлебывала какое-то неудобоваримое творение нутримата и читала о том, как научиться летать.

Вот что написано в «Путеводителе» об искусстве полета:

Полет – это искусство, а точнее сказать, навык.

Весь фокус в том, чтобы научиться швыряться своим телом в земную поверхность и при этом промахиваться.

Попробуйте проделать это в погожий денек, рекомендует «Путеводитель».

Первый этап прост.

От вас требуется одно – решительно кинуться вниз, не боясь ожидающей вас физической боли.

То есть больно будет, если вам не удастся промахнуться мимо земли.

Большинству людей промахнуться не удастся, и чем большие усилий они прилагают, тем крупнее вероятность столкновения с землей.

Безусловно, вся сложность во втором этапе – в промахивании.

Главное – промахнуться мимо земли случайно. Нет смысла специально стараться пролететь мимо, поскольку это просто невозможно. Нет, вся штука в том, что на полдороге к земле вы должны на что-то отвлечься, позабыв и о перспективе падения, и о земле, и о том, как вам будет больно, если не удастся промахнуться.

Весьма сложно отвлечь ваше внимание от этих трех вещей за неполную секунду, которой вы располагаете. И потому большинство людей после первых неудач разочаровываются в этом увлекательном, зрелищном спорте.

Однако же если в решающий момент вам посчастливится неожиданно отвлечься на умопомрачительную пару ног (щупалец, ложноножек, в зависимости от вашей видовой принадлежности и/или личных вкусов), или на взрыв бомбы неподалеку, или на внезапное явление ужасно редкого жука на соседней былинке – тогда-то, к своему изумлению, вы увильнете от всякого столкновения с землей, точнее, останетесь болтаться в каких-то считанных дюймах над ее поверхностью. Со стороны это может выглядеть несколько глупо.

В этот миг необходимо полное, глубочайшее хладнокровие.

Болтайте над землей и парите, парите и болтайте.

Забудьте, сколько вы весите (забудьте, что вы вообще что-то весите), и просто позвольте ветру поднимать вас все выше.

Не слушайте окружающих – ничего полезного они не скажут.

Скорее всего до вас донесутся восклицания типа: «Боже праведный, ты что, летаешь? Быть такого не может!»

Жизненно важно не верить им – а то правда внезапно окажется на их стороне.

Воспаряйте все выше и выше.

Потренируйтесь делать ниже, вначале простое, а потом, мерно дыша, лягте в дрейф над верхушками деревьев.

НИКОМУ НЕ МАШИТЕ.

После нескольких удачных проб вы обнаружите, что отвлечься становится все проще и проще.

Затем вы освоите массу приемов по управлению своим телом в полете, регулировке скорости, выполнению маневров. Обычно фокус в том, чтобы не слишком сосредоточиваться на своих действиях, но просто пускать их на самотек, точно нечто от вас не зависящее.

Также вы научитесь правильно приземляться – сразу предупредим, что первая попытка выйдет болящим комом.

Есть частные клубы летателей, где вам помогут достичь ключевого самозабвения. В их штате есть специальные работники с удивительными телами и воззрениями. Их задача – в решающий момент выскочить из кустов и продемонстрировать наглядно и/или выразить словесно свою особенность. Настоящим «стопщикам» эти клубы, как правило, не по карману, но можно рекомендовать их как возможное место для временной работы.

Триллиан была очарована прочитанным, но скрепя сердце решила, что Зафоду с его нынешним настроением лучше и не мечтать ни об уроках летания, ни о хождении пешком по горам, ни о борьбе с Брантивортигорнским Государственным Управлением за признание

законным свидетельства о переезде – все эти занятия были перечислены под заголовком: «Досуг в мире несбыточного».

Взамен она направила корабль на Аллосиманиус-Синеку, планету льдов, снега, умопомрачительных красот природы и ужасных морозов. Подъем по горным тропам со снежных равнин Лиски до вершины Хрустальных Пирамид Састантуа долог и утомителен даже при наличии реактивных лыж и упряжки синекских снегодавов, но открывающаяся сверху панорама: Ледники Безмолвия, мерцающие Призматические Горы и хоровод призрачных ледяных светляков вдалеке – вначале замораживает разум, а потом медленно возвышает его к еще невиданным высотам наслаждения прекрасным. Триллиан казалось, что это-то ей и требуется после всего пережитого.

Они легли на низкую орбиту.

Под ними расстилались серебристо-белые ризы Аллосиманиуса-Синеки.

Зафод не покидал кровати. Одну голову он засунул под подушку, а вторая до поздней ночи разгадывала кроссворды.

Триллиан вновь терпеливо кивнула, досчитала до... – в общем, число было немаленькое – и сказала себе, что на данном этапе самое важное – хотя бы разговорить Зафода.

Отключив всю кухонную автоматику, она приготовила самый роскошный ужин, какой был в ее силах, – аппетитно прожаренное мясо, ароматные фрукты, благоуханный сыр, коллекционные альдебаранские вина.

Неся в руках поднос с ужином, она вошла к Зафоду и спросила, нет ли у него желания поговорить.

– Сгинь в вакуум, – сказал Зафод.

Триллиан терпеливо кивнула самой себе, досчитала до предыдущего числа в кубе, вяло швырнула поднос в стену, прошла в телепортационную кабину и просто ушла из его жизни.

Она даже не задавала машине никаких координат – ей было все равно, куда бежать. Она просто ушла – превратилась в случайный набор точек, странствующий по Вселенной.

– Хуже нигде уже не будет, – сказала она себе, нажимая кнопку.

– Скатертью дорожка, – пробормотал Зафод, перевернулся на другой бок и всю ночь не смыкал глаз.

Весь следующий день он, не зная отдыха, мерил шагами корабельные коридоры, делая вид, что не ищет Триллиан, а просто прогуливается – хотя и знал, что ее больше нет на борту. Компьютер донимал его вопросами, что за чертовщина тут происходит, но Зафод заткнул его терминалы электронными кляпами.

Потом стал выключать освещение. Все равно тут больше ничего не покажут. Больше ничего не произойдет.

Как-то ночью – а теперь на корабле ночь длилась постоянно – лежа в постели, он решил взять себя в руки, предпринять что-нибудь конструктивное. Он резко сел на кровати, начал натягивать одежду. Ему пришло в голову, что во Вселенной непременно найдется кто-то, кому жизнь кажется еще более беспросветной, тяжелой и треклятой, чем ему. Следовательно, надо отыскать этого собрата.

На полпути к рубке его осенило, что это вполне может оказаться Марвин, и он бегом вернулся обратно.

А несколько часов спустя вновь отправился в свой скорбный обход темных коридоров, срывая зло на любезных дверях. Тут-то он и услышал пресловутое «Уф!», что его страшно встревожило.

Нервно опираясь о стену коридора, он морщил лоб (то есть лбы), словно пытаясь откупорить бутылку методом телекинеза. Прижав к стене кончики пальцев, он ощутил странную вибрацию. Теперь слышался какой-то негромкий шум, и исходил он определенно из района рубки.

Проведя рукой по стене, он нащупал нечто ценное.

– Ау, компьютер! – прошептал он.

– Ммммм... – столь же тихо произнес компьютерный терминал рядом с ним.

– У нас на борту кто-то есть?

– Мммм, – ответил компьютер.

– Кто же?

– Ммммммм ммммммм ммммммм, – сказал компьютер.

– Чего?

– Ммммммм ммммммммм мммм ммммммммм.

Зафод закрыл руками одно из своих лиц.

– О Зарквон, спаси и сохрани, – пробурчал он под нос.

И пошел по коридору в сторону рубки, откуда доносились все более громкие и деловитые звуки. К сожалению, именно терминалы рубки Зафод и заткнул кляпом.

– Компьютер, – вновь прошипел он.

– Ммммм?

– Когда я выну у тебя кляп...

– Ммммм.

– ... напхни, чтобы я дал сам себе в зубы.

– Ммммм ммммы?

– Все равно, какой головы. Скажи мне только одно. Одно мычание вместо «да», два вместо «нет». Оно опасно?

– Мммм.

– Опасно?

– Мммм.

– Ты, случайно, не сказал «мм» дважды?

– Мммм мммм.

– Хмммм.

Он приближался к рубке лилипутскими шажками с таким видом, будто предпочел бы улепетывать от нее великаньями. Так оно и было.

Он был уже в двух ярдах от двери рубки, когда до него внезапно дошло, что дверь обязательно поздоровается с ним. Зафод застыл как вкопанный. Ему так и не удалось отключить разговорные блоки дверей.

Так-то он надеялся войти незамеченным – из-за замысловатой формы рубки (в виде сердечка) дверь находилась в укромном уголке.

Обреченно прислонившись к стене, Зафод произнес несколько выразительных слов, немало шокировавших его другую голову.

Созерцая тускло-розовый контур двери, он осознал, что во мраке коридора еле-еле различаются границы сенсорно-тактичного поля, которое и предупреждало дверь о появлении кого-то, перед кем следует раскрыться с любезными словами.

Распластавшись по стене, он стал пробираться к двери, только бы не нарушить рубежи поля (еле-еле заметные). Затаив дыхание, он возблагодарил судьбу, что последние несколько дней меланхолично провалился на кровати, а не пытался сорвать зло, терзая эспандеры в спортзале и тем самым накачивая мускулы.

Тут он решил, что пора заговорить.

Сделав несколько опасливых вдохов, он прошептал:

– Дверь, если ты меня слышишь, ответь мне – только тихо-тихо-тихо.

Тихо-тихо-тихо дверь прошептала:

– Я вас слышу.

– Хорошо. Через минуту я попрошу тебя раскрыться. А когда раскроешься, я тебя прошу, не говори, что тебя это ошастливило, ладно?

– Ладно.

– И также я тебя прошу не говорить, что ты очень рада быть полезной или что ты польщена честью раскрыться передо мной и премного довольна вновь затвориться с сознанием выполненного долга, ладно?

– Ладно.

– И я не хочу, чтобы ты желала мне приятно провести день, поняла?

– Я поняла.

– Ладно, – сказал Зафод и напрягся, – а теперь раскройся.

Дверь тихо отъехала в сторону. Зафод тихо проскользнул в нее. Дверь тихо закрылась за ним.

– Я все правильно сделала, мистер Библброкс? – громко поинтересовалась дверь.

– Прошу вас, представьте себе, – сказал Зафод отряду белых роботов, которые обернулись на голос, – что у меня в руке крайне крупнокалиберный пистолет-бластер системы «Громовержец».

Воцарилась бесконечно холодная и зловещая тишина. Роботы пялились на Зафода душе-раздирающими покойническими глазами. Они стояли неподвижно. Их внешность произвела неувовимо устрашающее впечатление даже на Зафода, который видел их впервые и даже ни разу о них не слыхал.

Криккитские войны относились к древней истории Галактики. А на уроках древней истории Зафод только и делал, что вычислял, как бы заняться сексом с девочкой из соседней кибер-кабинки. Поскольку личный обучающий компьютер Зафода играл активную роль в этом плане, Зафод в итоге стер из его памяти всю историю, освобождая место для более актуальной группы концепций. Вследствие чего школьная администрация отправила компьютер в клинику для помешанных киберустройств, куда за ним последовала и девочка, имевшая глупость влюбиться в злосчастную машину. Ну а для Зафода это обернулось тем, что: а) он ни разу даже не подошел к девочке и б) пропустил целую эпоху в древней истории, знания о которой ему бы сейчас очень пригодились.

Зафод ошарашенно разглядывал роботов.

По какой-то непостижимой причине их элгантные обтекаемые тела казались совершенным олицетворением чистого, патологического зла. С головы, украшенной душераздирающе мертвыми глазами, до мощных неживых пят, они, несомненно, являлись порождением педантичного разума, знавшего только одну цель – убивать. Зафод похолодел.

Роботы успели частично разобрать дальнюю стену рубки и пробить ход через жизненно важные органы корабля. Несмотря на кучи обломков, Зафод с новым ужасом разглядел, что они движутся к самому ядру корабля, сердцу невероятной тяги, загадочным образом сгущаемой из пустоты, – в общем, к самому «Золотому сердцу».

Робот, стоявший к Зафоду ближе всех, смотрел на него с таким видом, будто снимал подробную мерку со всего его тела, души и способностей. Произнесенные роботом слова подтвердили это впечатление. Прежде чем мы поведаем, что именно сказал робот, следует отметить, что Зафод был первым живым органическим существом, кому довелось услышать голос этих тварей за последние десять биллионов лет. К сожалению, невежественный Зафод не был польщен этой честью, ибо, как мы уже упомянули, в детстве интересовался не древней историей, а собственным органическим телом.

Голос робота был под стать его корпусу – холодный, элгантный, безжизненный. В нем звучала даже какая-то интеллигентная хрипотца. В общем, голос был столь же древним, как и его владелец.

А сказал он следующее:

– Да, у вас в руке действительно пистолет-бластер системы «Громовержец».

Зафод испытал секундное недоумение, но, скосив глаза на свою руку, с облегчением узрел, что предмет, обнаруженный им на стене коридора, оправдал его надежды.

– Ага, – произнес он со вздохом облегчения (что вряд ли было разумно), – видите ли, робот, я не хотел перенапрягать ваше воображение.

Некоторое время все молчали, из чего Зафод заключил, что роботы явились сюда не для разговоров и дело за ним.

– Не могу не отметить того факта, что вы припарковали свой корабль, – сказал он, указав одним из подбородков в соответствующую сторону, – прямо поперек моего.

Бесспорно, так оно и было. Не считаясь ни с какими законами пространства, роботы беспардонно материализовали свой корабль там, где им было надо, вследствие чего он сцепился с «Золотым сердцем» крест-накрест, как одна расческа с другой.

И вновь ответа не последовало. Зафоду пришлось в голову, что для ускорения беседы предложения нужно сделать вопросительными.

– ... верно я говорю? – добавил он.

– Да, – ответил робот.

– Гм... ну ладно, – проговорил Зафод. – Так что вы тут делаете, мужики?

Молчание.

– Роботы, – поправил себя Зафод, – что вы, роботы, тут делаете?

– Мы пришли, – прохрипел робот, – за Золотом Перекладины.

Зафод, кивнув, принялся поигрывать пистолетом, дабы добиться дальнейших пояснений. Робот, похоже, понял.

– Золотая Перекладина – это часть Ключа, который мы ищем, – продолжал робот, – чтобы освободить наших Повелителей с Криккита.

Зафод вновь кивнул, поигрывая пистолетом.

– Ключ, – спокойно продолжал робот, – был развеян на ветру пространств и времен. Золотая Перекладина заключена в механизме, который движет вашим кораблем. Она вновь станет частью Ключа. Наши Повелители выйдут на свободу. Вселенское Переустройство будет возобновлено.

Зафод вновь кивнул и поинтересовался:

– Чего-чего будет возобновлено?

По абсолютно бесстрастному лицу робота скользнула тень легкой досады. По-видимому, этот разговор действовал ему на эквивалент нервов.

– Ликвидация, – сказал он. – Мы ищем Ключ, – повторил он, – мы уже владеем Деревянным Столбом, Стальным Столбом и Плексигласовым Столбом. Через несколько минут мы завладеем Золотой Перекладиной...

– Нет, не завладеете.

– Завладеем, – заявил робот.

– Нет уж. Без нее мой корабль перестанет работать.

– Через несколько минут, – терпеливо повторил робот, – мы завладеем Золотой Перекладиной...

– Фигушки, – сказал Зафод.

– А затем мы отправимся, – на полном серьезе заявил робот, – на вечеринку.

– Да? – обалдело переспросил Зафод. – А мне можно с вами?

– Нет, – сказал робот. – Мы планируем вас застрелить.

– Правда, что ли? – вскричал Зафод, поигрывая пистолетом.

– Правда, – сказал робот.

Раздался залп.

Зафод так изумился, что роботам пришлось дать еще один залп, прежде чем он упал.

Глава 12

– Тс-с-с, – сказал Слартибартфаст. – Слушайте и наблюдайте.

Над древним Криккитом стустилась ночь. Небо было пусто и черно. Сквозь мрак виднелись лишь огни ближнего городка. Ветерок приносил оттуда мирные бытовые звуки. Слартибартфаст, Форд и Артур остановились под ароматно пахнущим деревом. Присев на корточки, Артур ощутил под ладонями инфоиллюзии почвы и травы. Размял их между пальцами. Почва производила впечатление тяжелой и вязкой, трава была упруга. Что ни говори, а Криккит казался приятным во всех отношениях местечком.

Однако на взгляд Артура, абсолютно черный небосвод придавал всему идиллическому, несмотря на сумрак, пейзажу какой-то зловещий оттенок. И все же, рассудил Артур, это дело привычки.

Кто-то коснулся его плеча. Артур поднял глаза. Слартибартфаст молча указал ему на ту сторону холма. Артур увидел вереницу крохотных огоньков, что, качаясь и приплясывая, медленно двигались к ним.

Вскоре стали различимы и звуки, а затем стало понятно, что это маленькая кучка людей, и держат они путь домой, в город.

Они прошли очень близко от наблюдателей под деревом, размахивая фонарями, от чего по траве и листве скакали забавные «зайчики», радостно болтая между собой и самым натуральным образом распевая песню о том, как все чуд-чуд-чудесно на свете, как они счастливы, как здорово они потрудились на ферме и как приятно возвращаться домой, где ждут жены и дети. Затем следовал маленький припев насчет того, что в это время года цветы благоухают на редкость благостно и какая жалость, что бедная собака сдохла, так и не увидев своих любимых цветочков. Артуру невольно представилось, как Пол Маккартни, восседая с ногами в кресле у камина, мурлычет эту песенку Линде и соображает, что бы такое купить на доходы с нее – то ли Эссекс, то ли Ирландию.

– Повелители Криккита, – выдохнул Слартибартфаст голосом призрака.

Артур, погруженный в мысли об Эссексе и Ирландии, на миг растерялся. Затем, вернувшись к реальности, осознал, что все равно не понимает, куда клонит старец.

– Кто? – переспросил он.

– Повелители Криккита, – повторил Слартибартфаст. Если и раньше он изъяснялся тоном призрака, то теперь это был вообще некий сильно простуженный житель Аида.

Артур уставился на компанию фермеров, пытаясь свести воедино крохи информации, которыми располагал.

Безусловно, это были не земляне, хотя все различия состояли в чуть-чуть слишком высоком росте, излишней худобе, угловатости и бледной, почти белой коже. Но в общем и целом они смотрелись довольно приятно. Правда, в них проглядывала некоторая чуждаковатость – не хотел бы Артур ехать с ними в одном купе, – но вся эта чуждаковатость сводилась к чрезмерному добродушию и любезности, а не каким-то изъяснам. Непонятно, с чего вдруг Слартибартфаст принялся пришептывать, как в радиорекламе какого-нибудь жуткого фильма о лесорубах, берущих на дом халтуру?

Да, но ведь вся эта история с Криккитом ничуть не лучше. Артур не совсем понял, какая связь между игрой, которая на Земле называлась крикетом, и...

Слартибартфаст точно прочел его мысли.

– Игра, которую вы именовали крикетом, – проговорил он, точно из жерла преисподней, – относится к числу забавных капризов родовой памяти, благодаря которым многие концепции и образы продолжают жить в сознании, хотя их истинный смысл потерян во мгле времен. Из всех цивилизаций и племен Галактики только англичане могли воскресить воспоминание о самых

ужасных войнах в истории Вселенной и превратить его в чрезвычайно замысловатую, нудную и бесцельную игру. Извините, но таково общее мнение о ней. Мне крикет вообще-то нравится, – добавил он, – но на взгляд большинства, вы в наивности своей создали ужасную пошлость.

Особенно этот момент, когда нужно угодить в калитку маленьким красным мячиком. Настоящее издевательство.

– Угм, – произнес Артур, глубокомысленно морща лоб, чтобы никто не усомнился в маневренности его извилин, – угу.

– А вот это, – сказал Слартибартфаст, перейдя на загробный хрип и указывая на компанию криккитян, которые удалялись в сторону города, – те самые, с кого все началось. А случится это сегодня. Пойдемте за ними и посмотрим сами.

Тихо проскользнув под ветками, они поднялись вслед за веселой компанией по тропке в гору. Против инстинкта не попрешь – наши герои невольно двигались опасливо, даже воровато, хоть и знали, что с тем же успехом могли трубить в трубы и вопить: «Ату!» – инфоиллюзию это бы не спугнуло.

Артур обратил внимание, что двое криккитян завели новую песню – милую романтическую балладу, которая словно парила в прохладном ночном воздухе. Услышь ее Маккартни, она мигом подарила бы ему Кент и Суссекс и позволила бы всерьез задуматься о приобретении Хэмпшира.

– Ты наверняка знаешь, что сейчас произойдет, – сказал Слартибартфаст Форду.

– Я? – изумился Форд. – Откуда?

– Ты разве не изучал в школе древнюю историю Галактики?

– Моя киберкабинка была позади Зафода, – пояснил Форд, – это очень отвлекало. Хотя я узнал немало сногшибательных вещей.

В этот момент Артур заметил странную особенность песни, которую распевали криккитяне. На восьмом такте этой баллады, который сам по себе мог бы сделать Маккартни полноправным хозяином Винчестера, не говоря уже об окрестностях, текст стал каким-то странным. Говоря о свидании с девушкой, автор соблазнял ее прогуляться не «при луне» или «под звездным небом», но просто «по траве», что показалось Артуру излишне прозаичным. Но тут он поднял глаза на ужасающе голый небосклон и остро ощутил всю важность этой детали. При взгляде на это небо мерещилось, будто ты один-одинешенек во Вселенной. Артур поделился своим впечатлением с друзьями.

– Нет, – сказал Слартибартфаст, ускоряя шаг, – жители Криккита никогда не восклицали про себя: «Мы одни во Вселенной». Видите ли, они окружены колоссальным Пылевым Облаком. Одно только их солнце и их планета, на самом краю восточной оконечности Галактики. Из-за Пылевого Облака они испокон веку не интересуются небом – все равно там пусто. Ночью оно абсолютно черное. Днем светит солнце, но на солнце не очень-то посмотришь – они и не пытаются. В общем, неба они и не замечают. Как будто у них в зрачках слепое пятно на 180 градусов от горизонта до горизонта.

Понимаете, мысль «Мы одни во Вселенной» их ни разу не посещала, потому что до сегодняшнего вечера они вообще не знали о существовании Вселенной. До сегодняшнего вечера.

Он двинулся дальше, а его слова гулко повисли в воздухе.

– Представьте себе, ни разу не подумать: «Мы одни-одинешеньки» – просто потому, что не знаешь, что можно жить по-другому.

И вновь зашагал вперед.

– Боюсь, это зрелище подействует вам на нервы, – предупредил он.

Тут наблюдатели слышали высоко в безглазых небесах тоненький визг. Они тревожно задрали головы, но пока ничего не было видно.

Затем Артур заметил, что идущая впереди компания тоже обратила внимание на визг и пришла в замешательство. Криккитяне смотрели друг на друга, направо, налево, вперед, назад, даже на землю. Но только не вверх.

Ужасное потрясение, которое они испытали, когда, завывая и гремя, горящий звездолет упал с небес, врезавшись в холм примерно в полумиле от них, словами не передашь.

Кое-кто с придыханием произносит имя «Золотое сердце», другие благоговейно повествуют о «Бистроматолете».

Но несть числа тем, кто упивается историей «Звездного Титаника», легендарного корабля-колосса. И поистине, она того стоит. Этот величественный, сказочно-роскошный лайнер сошел со стапелей знаменитого Артефактоволя – астероида-верфи – несколько сот лет тому назад.

Умопомрачительно красивый, уникально огромный и к тому же самый уютный корабль в истории Галактики (точнее, в нынешней, сильно обкарнанной опровержениями версии этой самой истории – подробности см. ниже, в главе о «Движении за Реальное Время») имел несчастье быть построенным в эпоху младенчества физики невероятности, задолго до постижения законов этой смутной и дикорастущей научной отрасли.

Инженеры и конструкторы в своей великой наивности решили снабдить «Титаник» экспериментальным генератором невероятностного поля, которое, по их расчетам, должно было обеспечить бесконечную невероятность каких бы то ни было неполадок на борту.

Они и не догадывались, что всем вычислениям в области невероятности свойственны квазивзаимообратимость и кольцеобразность, благодаря чему все Бесконечно Невероятное почти немедленно осуществляется в реальности.

Ах, как прекрасен – аж глазам больно – был «Звездный Титаник», когда, точно арктурианский мегавакуумный серебристый кит, он качался в лазерных тенетах гибких строительных лесов. Сияющее облако булавок и иголок на знойно-черном бархате открытого космоса. Но едва сойдя со стапелей, он и первой своей радиограммы – сигнала SOS – передать не успел, как все его системы беспричинно отказали.

Однако это событие оказалось не только кошмарным крахом одной начинающей науки, но и апофеозом другой. Было неопровержимо доказано, что количество зрителей, смотревших телерепортаж о запуске «Титаника», превосходило все население Вселенной на тот момент. Этот факт был расценен как величайшее достижение социологии телевидения.

Другой суперсенсацией тогдашней прессы стала вспышка сверхновой звезды, в которую несколько часов спустя превратилась звезда Неавоось. В системе Неавооси находятся – то есть находились – крупнейшие страховые компании Галактики.

Меж тем как об этих звездолетах, а также других кораблях-легендах, например линкорах Галактической Армады («Храбром», «Безрассудном» и «Камикадзе»), говорят с благоговением, гордостью, упоением, энтузиазмом, восторгом, симпатией, сожалением, завистью, ревностью – в общем, почти со всеми людскими эмоциями, но подлинного чувства изумления удостоился лишь корабль, который всем вышеперечисленным не чета – «Криккит-1», первый звездолет, который построили криккитяне.

«Криккит-1» не был хорошим кораблем. Отнюдь.

Это была безумная колымага из подручных материалов. Казалось, его соорудили где-то в сарае – собственно, так оно и было. Корабль этот был изумителен не своей конструкцией (мягко говоря, неудачной), но самим фактом своего появления. Между мигом, когда криккитяне впервые узнали о существовании космоса как такового, и запуском этой первой ласточки среди космических кораблей прошел ровно год.

Пристегиваясь ремнями, Форд Префект только возносил хвалу судьбе за то, что это всего лишь безопасная инфоиллюзия. По жизни он не согласился бы взойти на борт такого корабля

даже за всю рисовую водку страны Китай. Первая реакция: «На соплях держится». Вторая реакция: «Извините, можно выйти?»

– И что, эта штука полетит? – спросил Артур, сочувственно косясь на связанные веревочками трубы и приклеенные к картонной обшивке провода, что составляли интерьер корабля.

Слартибартфаст уверил его, что полет состоится, что они в полной безопасности, что их ожидает крайне поучительное, хоть и довольно мучительное зрелище.

Форд с Артуром решили покориться судьбе и претерпеть мучения.

– Сходить с ума, так сходить, – рассудил Форд.

Впереди них сидели трое пилотов. Разумеется, экипаж не реагировал на присутствие посторонних – ведь их тут, в сущности, и не было. Три пилота были одновременно и конструкторами корабля. Это они шли в тот вечер по тропе, распевая мелодичные, проникновенные песни. Авария инопланетного звездолета сдвинула какие-то шарики в их головах. День за днем они исследовали останки сгоревшего корабля, разгрызая секрет за секретом, распевая звонкие кораблеразборочные марши. Затем они построили собственный корабль – он-то и готовился сейчас к взлету. Это было их творение, и сейчас они пели о нем песенку, изливая в ней двойную радость успеха и обладания. Припев был немного печальный. В нем они выражали сожаление, что из-за работы им приходилось долгими часами корпеть в сарае, не видя ни жен, ни детей, которые страшно по ним скучали, но подбадривали их бесконечными новостями о приключениях растущего щенка.

«Трень-сдззз...» – корабль взлетел.

Он с грохотом понесся по небу, словно точно знал, что делает.

– Быть такого не может, – сказал Форд, когда наблюдатели оправились от ускорения, а корабль уже рассекал верхние слои атмосферы. – Быть такого не может. Будь ты хоть семи пядей во лбу, но за год спроектировать и построить такой корабль... Не верю. Докажете – все равно не поверю. – И уставился в крохотный иллюминатор – на крошечную тьму.

Некоторое время полет протекал без происшествий, и Слартибартфаст включил убыстренную перемотку.

И потому вскорости они оказались у внутренней границы сферического, полого изнутри Пылевого Облака, со всех сторон окружавшего Криккит и его солнце.

Пространство не просто изменило текстуру и состав. Мерещилось, будто мрак гудит, с треском лопается на носу корабля. И мрак этот был особый – студеный, беспросветный, тяжелый мрак ночного неба над Криккитом.

Холод, тяжесть, беспросветность потихоньку проникли в сердце Артура, и он остро ощутил переживания пилотов-криккитян, повисшие в воздухе кабины, точно грозное электричество. Они находились перед Рубиконом исторического самосознания своего народа. Это был рубеж, за который никто из криккитян не заглядывал даже в мечтах, поскольку не знал о его существовании.

Тьма Пылевого Облака сдавила корабль. Внутри царила историческая тишина. Миссия «Криккита-1» заключалась в том, чтобы выяснить, есть ли что-то с той стороны неба, откуда, вероятно, и происходил разбившийся корабль. Может, там находится другая планета – ох, как трудно далось это предположение самозамкнутым умам сынов Криккита с его глухой стеной вместо неба.

История собиралась с силами, чтобы нанести криккитянам новый удар.

Но тьма – глухой кокон, оберегающий внутренний мрак, – все еще гудела вокруг корабля. Стена, казалось, все близилась и близилась, густела и густела, тяжелела и тяжелела. И вдруг исчезла.

Корабль вылетел из Облака.

Пилоты увидели алмазную россыпь созвездий – и их души в ужасе взвыли.

Некоторое время они летели вперед, неподвижные на фоне глазастого тела Галактики, которое само было неподвижно на фоне бесконечных просторов Вселенной. А потом развернулись.

– Это необходимо убрать, – сказали криккитяне, направив корабль в сторону дома.

На обратном пути они спели немало мелодичных, наполненных глубоким смыслом песен на темы мира, справедливости, нравственности, культуры, спорта, семейной жизни и ликвидации всех прочих форм жизни.

Глава 13

– Думаю, теперь вам ясно, как все случилось, – сказал Слартибартфаст. Он медленно размешивал ложкой свой искусственный кофе, тем самым приводя в движение жидкие интерфейсы между реальными и нереальными числами, между интерактивными перцепциями сознания и Вселенной, что, в свою очередь, изменяло матрицы потаенной субъективности, которая и позволяла его кораблю лихо переиначивать саму сущность пространства и времени.

– Да, – произнес Артур.

– Да, – произнес Форд.

– А что я должен делать с этой куриной ножкой? – спросил Артур.

Слартибартфаст окинул его суровым взглядом и сказал:

– Да просто вози ею по тарелке. – И продемонстрировал, что именно надо делать.

Последовав его примеру, Артур ощутил легкую вибрацию: в куриной ножке, четырехмерно движущейся сквозь пятимерное (если верить Слартибартфасту) пространство, пульсировала некая математическая функция.

– Не прошло и дня, как все жители Криккита превратились из обаятельных, сердечных, умных...

– ... хоть и чудаковатых... – вставил Артур.

– ... обыкновенных людей, – продолжал Слартибартфаст, – в обаятельных, сердечных, умных...

– ... чудаковатых...

– ... маньяков-ксенофобов. Идея существования Вселенной, так сказать, не вписывалась в их картину мира. Они просто не были способны с ней свыкнуться. И потому со всем своим обаянием, сердечием, умом, чудаковатостью, если хотите, решили ее уничтожить. Что такое, Артур?

– Что-то мне это вино не очень нравится, – сказал тот, обнюхивая бокал.

– Ну так отошли его обратно. Все это элементы математического процесса.

Артур так и поступил. Ему не понравилась топография ухмылки официанта, но это ничего – Артур с детства не любил никаких графиков.

– Куда теперь? – спросил Форд.

– Назад, в Зал информационных иллюзий, – ответил Слартибартфаст, промокая губы математической моделью бумажной салфетки, – смотреть вторую часть.

Глава 14

– Криккитяне, – сказал Его Высочайшая Судебная Инстанция, УБНДР (Ученейший, Беспристрастный и На Диво Раскованный) Председатель Судейской Коллегии Общегалактического трибунала, который рассматривал дело о военных преступлениях Криккита, – они, ну сами понимаете... Это просто довольно милые ребята, которые, так уж вышло, увлеклись идеей всех поубивать. Черт, по себе знаю – иногда утром просыпаешься, так просто руки чешутся... Ну да фиг с ним. Лады, – продолжал он после того, как закинул ноги на ограждение и удалил постороннюю нитку из своих пляжных шлепанцев (форма обуви, предписанная протоколом), – отсюда следует, что вряд ли кому захочется жить с этими ребятами в одной Галактике.

И был абсолютно прав.

Нашествие криккитян на Галактику было настоящим кошмаром. Тысячи и тысячи громадных криккитянских крейсеров вывалились как снег на голову из гиперпространства и одновременно атаковали тысячи и тысячи крупных планет. Вначале они захватывали стратегические ресурсы для сооружения кораблей новой волны, а потом хладнокровно превращали обобранные планеты в прах и пыль.

Галактика, в то время наслаждавшаяся периодом необычайного спокойствия и процветания, опешила, как человек, вышедший полюбоваться природой, а встретивший разбойников.

– Я хочу сказать, – продолжал Председатель, озирая ультрасовременный (дело было десять миллиардов лет назад, и «ультрасовременный стиль» предполагал злоупотребление нержавеющей сталью и волнистым бетоном) и просторный зал суда, – что эти ребята – самые натуральные фанатики.

Что также было верно. Это единственное удовлетворительное объяснение необъяснимой быстроты, с которой криккитяне взялись осуществлять свою новую главную цель в жизни – уничтожение всего, что не есть Криккит.

Аналогично только эта версия объясняет, почему они столь молниеносно создали суперсложную науку и технику, необходимые для производства тысяч крейсеров и миллионов страшных белых роботов.

Это белое воинство сеяло глубочайший ужас в сердцах всех, кто с ними сталкивался, – правда, в большинстве случаев ужас длился недолго, обрываясь вместе с жизнью реципиента. То были жестокие и упрямые летающие боевые машины. Они размахивали многофункциональными боевыми битами, которые в одном режиме разваливали дома, в другом испускали жгучие омни-деструктивные лучи, а в третьем метали разнообразные гранаты – от простых зажигательных до макси-бумных гиперядерных устройств, которыми можно взорвать большую звезду. Одним ударом биты по гранате робот одновременно выдергивал чеку и с феноменальной меткостью поражал ею цели на расстоянии от считанных ярдов до сотен тысяч миль.

– Лады, – снова сказал Председатель, – наша взяла.

Помолчал, жуя резинку.

– Наша взяла, но хвалиться тут нечего. Это самое – галактика средней величины против одной мелкой планетки, и сколько мы колупались? Секретарь Суда, алло!

– Ваша честь? – спросил малорослый строгий мужчина в черном, поднявшись со своего места.

– Сколько мы колупались, братец?

– Ваша честь, дать точный ответ несколько сложно. Время и расстояния...

– Спокойно, приятель, валяй округленно.

– Ваша честь, вряд ли возможно прибегать к округлениям в подобн...

– Невозможно только штаны через голову надеть. Ну же, будь дерзким!

Секретарь Суда только захлопал глазами. Очевидно, он вместе с большинством юристов Галактики считал Председателя (известного в частной жизни под странным именем Зипо Биброк 5 × 10 в восьмой степени) довольно неприятным субъектом. Несомненно, он был хамом и фанфароном. Судя по всему, он мнил, что обладание величайшим в истории талантом к юриспруденции дает ему право выделять что заблагорассудится – и, увы, не ошибался.

– Э-э... гм, ваша честь, примерно две тысячи лет, – пробурчал сквозь зубы секретарь.

– А сколько народу положили?

– Два триллиона, ваша честь. – Секретарь сел. Если бы в этот миг его сфотографировали влагодчувствительной камерой, стало бы видно, что он слегка дымится.

Председатель вновь обзрел зал суда, где присутствовали сотни высочайших чиновных особ со всей Галактики, все в своих официальных костюмах или телах (в зависимости от метаболизма и обычаев). За стеной из тотальностойкого стекла стояли представители криккитян, глядя на всех этих чужаков, слетевшихся их судить, со спокойным, вежливым отвращением. То был наиважнейший момент в истории юриспруденции, и Председатель это сознавал.

Он вынул изо рта жвачку и прилепил ее под сиденье.

– Целая куча мертвяков, – заметил он.

Аудитория мрачным молчанием выразила свою солидарность с этим мнением.

– Так-то вот. Как я сказал, это милые ребята, но никому неохота жить с ними в одной Галактике, ежели они собираются продолжать дальше в том же духе. То есть если не научатся смотреть на вещи попроще. Я хочу сказать, что получится одна бесконечная нервотрепка, верно ведь? Брр-брр-брр, вдруг они завтра снова на нас нападут, верно? Мирное сосуществование на соплях, верно? Принесите мне воды, кто-нибудь, спасибо.

Развалившись в кресле, он глубокомысленно отхлебнул из стакана.

– Ладно, послушайте-ка, что я вам скажу. Итак: эти ребята, сами понимаете, имеют право на свое мнение о Вселенной. А согласно их мнению, Вселенная оскорбила их своим существованием, а они дали ей сдачи и были правы. Звучит дико, но, думаю, вы согласны. Они верят в...

Он заглянул в бумажку, извлеченную из заднего кармана своих протокольных джинсов.

– Они верят в «мир, справедливость, нравственность, культуру, спорт, семейную жизнь и ликвидацию всех прочих форм жизни».

И пожал плечами.

– Я лично слыхивал вещи и похуже.

После чего задумчиво почесал свое тело пониже живота.

– О-хо-хм, – произнес он.

Еще раз отхлебнул из стакана с водой, затем поглядел сквозь него на свет и нахмурился. Повертел стакан в руках.

– Эй, к этой воде что-нибудь подмешано? – спросил он.

– Э-э, нет, ваша честь, – нервно ответил Судебный Пристав, который и принес стакан.

– Так унесите ее, – рявкнул Председатель, – и подмешайте к ней что-нибудь. У меня есть идея. – Отодвинув стакан, он подпер голову рукой и заговорил: – Слушайте, что я вам скажу.

Решение было блестящим. Состояло оно в следующем.

Планету Криккит следовало на веки вечные заключить в кокон из темпоральной канители, внутри которого жизнь будет продолжаться с почти бесконечной медлительностью. Кокон будет преломлять свет и потому пребудет незримым и непроницаемым. Вырваться из кокона абсолютно невозможно – если только кто-то не отопрет наружный замок.

Когда вся остальная Вселенная бесповоротно окончит свои дни, когда все сущее придет к своей кончине (разумеется, в то время еще не знали, что «У конца Вселенной» – это помпезный ресторан) и не будет больше ни жизни, ни материи, тогда только нити темпоральной канители расплетутся, и планета Криккит со своим солнцем вылетит наружу, чтобы влачить, как ей и мечталось, уединенное существование в сумраке Вселенского Ничто.

Замбóк будет размещен на астероиде, медленно обращающемся вокруг кокона.

Ключом станет символ Галактики – Трикетная Калитка.

Когда публика устала аплодировать, председатель уже был в транссенсуальной душевой, сопровождаемый миленькой присяжной заседательницей, которой он полчаса назад перебро-сил записку.

Глава 15

Прошло два месяца. Зипо Биброк 5 × 10 в восьмой степени, обрезав выше колена свои протокольные джинсы Верховного галактического судьи, отправился тратить свои астрономические судебские гонорары в разных солнечных местах.

В данный момент мы видим его лежащим на алмазном песке, причем уже знакомая нам миленькая присяжная заседательница натирает ему спину «Калантинской эссенцией». Это девушка с кожей, подобной лимонному шелку, сульфатиньянка из области Галактики, лежащей за Туманным Поясом Яги. Она страшно увлечена юриспруденцией в лице всех ее аспектов и представителей.

– Слышал новость? – спросила она.

– Ууууяяя-ха! – вскричал Зипо Биброк 5 × 10 в восьмой степени.

С чего вдруг – мог бы пояснить только очевидец. В инфоиллюзионном фильме эта сцена была реконструирована по свидетельствам из вторых рук.

– Не-а, – добавил он, когда причины для ууууяяяхахання отпали.

Он заворочался, подставляя свое тело первым лучам третьего и величайшего из трех солнц девственной планеты Водья, которое только что выбралось из-за красивейшего в целой Вселенной горизонта, тем самым увеличив до максимума предлагаемую загорающим мощност.

Соленый бриз прилетел со спокойного моря, пошатался над пляжем и вновь вернулся в море, размышляя, куда бы еще сунуться. В безумном порыве он вновь устремился на пляж и опять вернулся к морю.

– Надеюсь, это не хорошая новость, – пробормотал Зипо Биброк 5 × 10 в восьмой степени, – хорошей я просто не выдержу.

– Сегодня был приведен в исполнение твой приговор по делу Криккита, – сказала девушка величественно. Никакой величественной интонации для этой элементарной информации не требовалось, но такой уж выдался день – величественный. – Это сказали по радио, – пояснила она, – когда я ходила на яхту за маслом.

– Ага, – пробурчал Зипо, роняя голову на алмазный песок.

– И еще кое-что произошло.

– Ммм?

– Как только темпорально-канительный кокон заперли на замок, – сказала она, на миг отвлечшись от растирания спины Зипо, – выяснилось, что один криккитский крейсер, который пропал без вести и считался погибшим, вовсе не погиб. Он появился и попытался захватить Ключ.

Зипо резко сел на песке:

– Чего-о?

– Да все нормально, – произнесла она голосом, который уgomонил бы даже Большой Взрыв. – Как сказали, произошел недолгий бой. Ключ и крейсер были уничтожены и развеяны на все стороны пространства и времени. Судя по всему, они исчезли навеки.

Улыбнувшись, она выжала на свои пальцы еще несколько капель «Калантинской эссенции». Успокоенный, Зипо опять растянулся на песке.

– Сделай это самое... что ты сделала минуты две назад, – пробормотал он.

– Это? – спросила она.

– Нет, нет, – сказал он, – это.

Она сделала еще одну попытку.

– Так?

– Ууууяяя-ха!

Это тоже не поймешь без контекста.
С моря снова приплелся соленый бриз.
По пляжу бродил волшебник, но в нем никто не нуждался.

Глава 16

– Нет на свете ничего, что было бы потеряно навеки. Кроме Халезмийского собора, – проговорил Слартибартфаст. Его лицо казалось алым в свете свечи, которую робот-официант все порывался унести.

– Какого собора? – удивленно переспросил Артур.

– Халезмийского. Это было, когда я занимался исследованиями по заказу Движения за Реальное Время...

– Какого движения? – снова удивился Артур.

Старец умолк, собираясь с мыслями, чтобы наконец-то завершить эту историю. Робот-официант, скользя по пространственно-временным матрицам с одновременно подобострастным и угрюмым видом, цапнул свечку и унес ее. Они уже получили счет, убедительно поспорили о том, кто ел спагетти и сколько бутылок выпили, чем, как смутно сознавал Артур, успешно вывели корабль из субъективного пространства на орбиту незнакомой планеты. И теперь официанту не терпелось доиграть свою роль в балагане до конца и выгнать всех из бistro.

– Вам все станет ясно, – сказал Слартибартфаст.

– Скоро?

– Через минуту. Слушайте. Потоки времени сейчас ужасно загрязнены. В них плавают масса мусора – наподобие отходов и обломков кораблекрушений. И все больше этого утиля попадает назад в физический мир. Возмущения в пространственно-временном континууме, этакie протечки, знаете ли.

– Слыхивали, – заметил Артур.

– Послушай, так куда же мы летим? – спросил Форд, нетерпеливо отодвигая свой стул. – Потому что мне ужасно хочется туда наконец попасть.

– Мы летим, – медленно, с расстановкой сказал Слартибартфаст, – чтобы опередить криккитянских роботов и помешать им обрести недостающие части Ключа, которые они ищут, чтобы выпустить планету Криккит из темпорально-канительного кокона и выпустить на свободу своих безумных Повелителей и остальную армию роботов.

– Просто ты упомянул какую-то вечеринку, вот я и подумал... – протянул Форд.

– Упомянул, – подтвердил Слартибартфаст, уронив голову на грудь.

Он понял, что совершил оплошность – слово «вечеринка» вызывало у Форда Префекта какое-то нездоровое возбуждение. Причем с каждым новым витком трагической истории Криккита и его народа Фордом Префектом все сильнее овладевало желание танцевать с девушками и пить, пить и танцевать.

Старец сознавал, что лучше было бы до последнего момента молчать о вечеринке. Но слово не воробей, а все же вылетело, и теперь Форд Префект уцепился за идею вечеринки со всем рвением арктурианской меганиявки, которая, крепко прильнув к жертве, откусывает ей голову и забирает звездолет жертвы себе.

– И скоро мы там будем? – спросил Форд, просясь.

– Как только я объясню вам, зачем нам туда надо.

– Я-то и так знаю, зачем мне туда надо, – пробормотал Форд и откинулся на спинку дивана, заложив руки за голову и ухмыляясь своей коронной мурашки-по-спине-посылающей ухмылкой.

Уходя на пенсию, Слартибартфаст надеялся пожить наконец спокойно.

Он собирался научиться играть на октавентральном миллиляфоне – прелестное в своей тщетности занятие, ибо он не обладал необходимым для этого инструмента количеством ртов.

Также он думал написать фантазмагорическую, последовательно-неточную монографию об экваториальных фьордах, дабы навек затуманить мозги науке относительно пары аспектов этого вопроса, которые казались ему важными.

Вместо чего он, черт знает зачем, дал себя уговорить на выполнение необременительной работы по заказу Движения за Реальное Время. И впервые в жизни отнесся к делу серьезно. Что не осталось безнаказанным – в результате он, человек уже не первой старости, мотается по Галактике, пытаясь побороть зло и спасти человечество.

«Лучше камни ворочать», – подумал он, тяжело вздыхая.

– Послушайте, – сказал он, – в ДРТ...

– Где? – воскликнул Артур.

– В Движении за Реальное Время, я вам о нем попозже расскажу. Итак, я уловил соответствия между пятью предметами из числа темпорального мусора, которые в сравнительно недавние времена вновь вынырнули в реальности, и пятью составляющими уничтоженного Ключа. Я смог проследить точную судьбу только двух – Деревянного Столба, который оказался на вашей планете, и Серебряной Перекладки. Она, похоже, находится на некой вечеринке. Мы должны отправиться туда и забрать ее, чтобы она не попала в руки крикитянских роботов. Иначе за судьбу Галактики ручаться нельзя.

– Нет, – твердо сказал Форд. – Мы пойдем на эту вечеринку, чтобы напиться вдребадан и потанцевать с девушками.

– Но разве ты не понял, что я...

– Да я понял! – вскричал Форд с несвойственной ему горячностью. – Все я прекрасно понял. Вот потому и хочу выпить, сколько успею, и протанцевать со сколькими девушками успею, пока все не кончилось. Если все, что ты нам показывал, правда...

– Ну разумеется, правда!

– ... то нас вмиг слопают и тапочек не выплюнут.

– Чего не выплюнут? – не понял Артур.

– Та-по-чек.

– А до этого с нами что сделают?

– Сло-па-ют.

– Кто, белые роботы?

– Кто ж еще!

– Я думал, роботы питаются горючим, а не... бр-р... тапочками.

– «Слопают и тапочек не выплюнут», – сказал Форд со всей отчетливостью и быстротой, на какие был способен, – это фигуральное выражение, обозначающее в данном контексте, что нас убьют в мгновение ока. Понял?

– Понял. А зачем им наши тапочки?

– Это художественный образ.

Артур смирился, и Форд продолжал свою речь, стараясь вновь обрести первоначальную пламенность.

– Ты задумайся, кто мы все такие! – вскричал он. – И я, и ты, Слартибартфаст, и Артур – особенно Артур – мы же просто дилетанты, сачки, перекаати-поле. Фраера, если хочешь.

Слартибартфаст нахмурился, обиженно и недоуменно, начал было что-то говорить:

– ... э-э...

Форд прервал его:

– Понимаешь, мы никакие не фанатики. Ни с какого боку. – Голос Форда креп.

– ... э-э...

– А это ключевой фактор. Против фанатиков мы бессильны. Нам по большому счету все по фигу – а им совсем наоборот. Значит, они победят.

– Мне очень многое на свете не «по фигу», – дрожащим от раздражения и неуверенности голосом проговорил Слартибартфаст.

– Например?

– Ну, например, – сказал старец, – жизнь, Вселенная. Да все на свете! Фьорды.

– И что, ты готов за них умереть?

– За фьорды? – изумленно захлопал глазами Слартибартфаст. – Зачем?

– Вот видишь!

– Честно говоря, не понимаю.

– А я никак не пойму, – вставил Артур, – при чем тут мои тапочки?

Сознавая, что власть над ситуацией ускользает из его рук, Форд решил не сдаваться.

– Вся штука в том, – прошипел он сквозь зубы, – что мы не фанатики! И настоящие фанатики нас вмиг слопают и та...

– Мои тапочки, то есть шлепанцы, – гнул свое Артур, – это почти все, что я вынес с Земли. Я их просто так не отдам!

– Да заткнись ты со своими тапочками!

– Как скажешь. Ты сам о них первый заговорил.

– Мало ли чего ни ляпнешь, – буркнул Форд. – Суть вот в чем...

Наклонившись вперед, он подпер лоб рукой.

– О чем это я? – произнес он устало.

– Давайте просто отправимся на вечеринку, – предложил Слартибартфаст, – не важно зачем. – И встал, мотая головой.

– По-моему, именно это я и хотел сказать, – заявил Форд.

По таинственному капризу конструкторов, телепортационные кабинки находились за дверью с надписью «Туалет».

Глава 17

Все больше распространяется мнение, что путешествия во времени представляют собой угрозу экологии, так как приводят к загрязнению истории.

Теория и практика путешествий во времени пространно описаны в соответствующих статьях «Большой Галактической Энциклопедии». Правда, эта наука темпоральных перемещений недоступна для всех, кто не изучал высочайшую гиперматематику по крайней мере в течение четырех жизней. Поскольку до изобретения самой машины времени подобный студенческий подвиг был просто физически невозможен, совершенно непонятно, каким образом люди изначально умудрились эту машину изобрести. Есть гипотеза, что машина времени, как ей и положено по определению, была изобретена во всех эпохах одновременно, но это явная чушь.

Вся беда в том, что масса исторических событий тоже оказалась явной чушью.

Вот один пример. Возможно, некоторым он покажется маловажным, но жизнь многих других он буквально перевернул. Значение этого события уже в том, что именно оно стало первым толчком к учреждению Движения за Реальное Время. (Первым? А может, итоговым? Это зависит от того, в какую сторону, по вашему мнению, движется история. А этот вопрос на данный момент не имеет однозначного ответа.)

Есть (был и сплыл?) один поэт. Звали его Лаллафа, и написал он «Песни Долгой Страны» – цикл стихотворений, которые вся Галактика единодушно признала величайшими стихами всех времен и народов.

Эти стихи несказанно прекрасны (доселе были несказанно прекрасны?). То есть человека, возжелавшего поделиться впечатлениями от них, очень скоро переполняло столь сильное душевное волнение, чувство единения с истиной, ощущение цельности и нераздельности всего сущего и т. п., что оставалось только выбежать на улицу, стремглав обогнуть квартал и перехватить в ближайшем баре рюмочку меры всех вещей с содовой. Только после этой процедуры человек вновь мог спокойно воспринимать окружающую действительность. Вот какие чудесные стихи сочинял Лаллафа.

Жизнь поэта прошла в лесах Долгой Страны на планете Эффа. Там он жил, там он сочинял свои шедевры. Он записывал их на высушенных листах хаубры, обходясь и без благ цивилизации, и без жидкости «Штрих». Он описывал лучи солнца в лесу и свои мысли на сей счет. Он описывал тьму в лесу и свои мысли на сей счет. Он описывал девушку, которая его бросила, и свои чрезвычайно образные мысли о ней и ее поведении.

Спустя много лет после его смерти стихи были найдены и произвели фурор. Весть о них мгновенно, точно взошедшее солнце, озарила Галактику. В течение многих веков они были водой и светом для многих множеств людей, чья жизнь иначе была бы куда суше и темнее.

Но вот вскоре после изобретения машины времени руководству одной крупной корпорации по производству жидкости «Штрих» пришло в голову, что, возможно, будь в распоряжении Лаллафы несколько тюбиков высококачественного «Штриха», его стихи оказались бы еще чудеснее. Не худо также устроить, чтобы он сказал несколько слов по этому поводу.

Они пустились в плавание по волнам времени, отыскиали Лаллафу и – не без труда – растолковали ему свое предложение. И в конце концов убедили его согласиться. Собственно, они так хорошо его убедили, что он дико разбогател на этом проекте, и девушка, которой попервоначалу было суждено стать героиней столь образного стихотворения, даже не подумала его бросать. Лаллафа и девушка переехали из леса в город, в прелестный шалаш со всеми удобствами, и поэт часто путешествовал в будущее, чтобы блистать остроумием в телевизионных интервью.

Разумеется, ни одного из своих великих стихотворений он так и не написал. Просто руки не дошли. Но эта проблема оказалась легкоразрешимой. Время от времени корпорация по про-

изводству «Штриха» просто отправляла Лаллафу на недельку в какое-нибудь курортное место, снабдив его запасом сушеных листьев хабубры и академическим изданием его произведений, дабы он просто списывал их с книги, для правдоподобия уснащая текст мелкими описками и исправлениями.

И теперь многие говорят, что стихи Лаллафы вдруг лишились всякого очарования. Другие возражают, что они ничем не отличаются от тех, какими были изначально, так в чем же перемена? Первые заявляют, что суть проблемы не в этом. В чем именно суть, они сформулировать не могут, но что суть есть и что сама проблема есть, не сомневаются. Чтобы воспрепятствовать повторению подобных порочных инцидентов, они учредили Движение за Реальное Время. Их влияние немало возросло благодаря одному совпадению – спустя неделю после учреждения ДРВ разнеслась весть, что знаменитый Халезмийский собор, снесенный, дабы освободить место для нового ионообогадительного завода, исчез не просто из настоящего, но и из минувшего. Строительство ионообогадительного завода так затянулось, что ради сдачи объекта к сроку конструкторы были вынуждены все дальше и дальше отступать в прошлое. И в итоге вышло так, что Халезмийский собор вообще не был построен – его место еще в начале времен занял завод. Открытки с изображением собора внезапно стали цениться на вес золота.

Итак, история гибнет бесследно. Движение за Реальное Время заявляет, что, подобно тому как облегчение передвижений в пространстве стерло различия между разными странами и планетами, унифицировало их, так и путешествия во времени постепенно стирают различия между разными эпохами. «Теперь прошлое страшно похоже на чужие страны, – говорят они. – Там все точно такое же, как у нас».

Глава 18

Артур материализовался. Коленки у него подгибались, сердце сжимали спазмы, горло перехватило, конечности ныли. Таковы были обычные болезненные последствия очередной материализации после пользования проклятым телепортом. Артур мужественно решил не позволять себе привыкнуть к ним.

Он поискал глазами остальных.

Их нигде не было видно.

Он вновь поискал их глазами.

Все равно никого.

Он зажмурился.

Вновь раскрыл глаза.

Поискал глазами остальных.

Те упорствовали в своем отсутствии.

Он вновь закрыл глаза, готовясь еще раз проделать всю абсолютно тщетную процедуру высматривания, и только тут, когда его мозг наконец-то принялся обрабатывать увиденное глазами до их зажмуривания, Артур озадаченно наморщил лоб.

Он снова раскрыл глаза, чтобы проверить их первоначальные показания. Озадаченное выражение так и приросло к его лицу.

Если он действительно попал на вечеринку, то явно на очень неудачную. Видимо, такую фиговую, что все остальные гости давно уже разошлись. Тут Артур отбросил эту гипотезу как дурацкую. Очевидно, он находился не на вечеринке, но в некой пещере, либо в лабиринте, либо в тоннеле – точнее нельзя было сказать из-за дефицита света. Артура окружала тьма, крошечная, сырая, какая-то лоснящаяся. И только его собственные прерывистые вздохи слышались в тишине. Артур тихонько кашлянул – и был вынужден долго-долго слушать, как тоненькое призрачное эхо его кашля путешествует по извилистым коридорам и темным залам этого колоссального лабиринта, чтобы в итоге вернуться к нему по этим же коридорам, как бы намекая: «Ау?»

Подобная история повторялась со всяким малейшим звуком и шумом. Что ужасно действовало на нервы. Артур попробовал было напеть под нос одну веселую песенку, но умолк на полутакте, когда она вернулась к нему в обличье заунывного надгробного плача.

Перед его мысленным взором вновь предстали персонажи рассказа Слартибартфаства. Он почти ожидал, что сейчас из тьмы выступят церемониальным шагом ужасные белые роботы и расправятся с ним. Он затаил дыхание. Роботы не появлялись. Он шумно перевел дух. Теперь он вообще не знал, чего ждать.

Однако кто-то или что-то ожидал его тут, потому что вдали во тьме вспыхнула зеленым огнем таинственная неоновая надпись вроде вывески:

ТЕБЯ ПЕРЕХВАТИЛИ

Надпись погасла, причем то, как именно она погасла, Артуру никак не понравилось. Она погасла, сверкнув напоследок с каким-то демонстративным презрением. Артур попытался внушить себе, что это просто воображение шалит. Неоновые вывески либо горят, либо не горят, в зависимости от того, проходит ли в данный момент сквозь них электрический ток. И – втолковывал он себе – ни одна вывеска просто технически не способна переходить из одного режима в другой с демонстративным презрением. Поплотнее закутавшись в халат, Артур затрясся.

Вдруг в недрах тьмы опять загорелись неоновые знаки. На этот раз это было нечто совершенно непостижимое. А именно: многоточие и запятая. Вот такие:

Только не черным по белому, а зеленым светом по тьме.

После одной-двух секунд вдумчивого созерцания Артур сообразил, что этим его предупреждают, что предложение еще не окончилось. Предупреждают с какой-то почти сверхчеловеческой педантичностью, отметил он. Как минимум с нечеловеческой.

Тут появился финал предложения:

АРТУР ДЕНТ

Артур Дент пошатнулся. Заставил себя присмотреться к вывеске. «АРТУР ДЕНТ», и все тут. Артура опять шатнуло.

Надпись вновь погасла, погрузив изумленного Артура во тьму. На его сетчатке мерцал лишь тусклый красный контур его имени – остаточный след.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, – неожиданно заявила надпись.

Но спустя минуту добавила:

ОЙ ЛИ?

Хладный, как змея, ужас, все это время витавший над Артуром в ожидании подходящего случая, осознал, что его время пришло, и ринулся в душу землянина. Однако Артур не сдался без боя. Он попытался было настороженно, но стойко припасть к земле, как делал это герой какого-то телефильма, но, должно быть, у того были лучше развиты коленные мышцы. Артур воровато взгляделся во тьму впереди.

– Э-э, ау? – вымолвил он.

Прочистив глотку, он вновь воззвал ко тьме, на этот раз громче и без приставки «э-э». Вместо ответа в дальнем конце коридора начали бить в большой барабан. Во всяком случае, так казалось.

Прислушавшись, Артур сообразил, что это стучит его собственное сердце.

Еще раз прислушавшись, Артур пришел к выводу, что это все же не сердце, а барабан в дальнем конце коридора.

Круглые капельки пота выступили на его лбу, собрались с силами и покатались вниз. Артур оперся рукой об пол – для устойчивости, ибо поза настороженного охотника не очень-то получалась. Надпись вновь обновилась. Теперь она гласила:

НЕ НЕРВНИЧАЙ

Затем добавила:

ТРЕПЕЩИ, КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ, АРТУР ДЕНТ

И в очередной раз погасла. В очередной раз погрузив Артура во тьму. Его глаза были готовы выскочить из своих орбит, и Артур сам не знал почему: то ли они желали получше разглядеть то, что впереди, то ли, наоборот, ретироваться.

– Ау? – вновь воззвал Артур, пытаясь придать своему голосу оттенок хриплой, агрессивной самоуверенности. – Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не последовало. Ну вообще никакого.

Это взволновало Артура куда сильнее, чем какой бы то ни было из возможных ответов. Он начал пятиться прочь от жуткого ничто. И чем дальше пятился, тем глубже его душа уходила в пятки. Немного погодя он сообразил, что это влияние просмотренных фильмов, где герой частенько пятится от какой-то воображаемой угрозы – прямоком в лапы какой-то угрозе подлинной, поражающей его со спины.

И только тут он догадался срочно обернуться.

Пусто.

Одна только тьма.

Это явилось решающим ударом для его нервов. Он попятился назад, к тому месту, от которого пятился сначала.

Спустя некоторое время до него дошло, что он движется спиной вперед к тому месту, от которого вначале улепетывал.

И был вынужден сознаться, что поступает глупо. Он решил, что безопаснее будет пятиться в ту сторону, куда он пятился сначала, и вновь развернулся.

Тут-то и оказалось, что второе движение его души оказалось верным, ибо за его спиной тихо стояло неопишимо ужасное чудовище. Артур дико возопил. Его кожа рванулась в одну сторону, а скелет – в противоположную, меж тем как мозг серьезно задумался, которое из двух ушей использовать в качестве аварийного выхода.

– Спорим, ты не ждал, что опять со мной свидишься, – проговорило чудовище.

Артур невольно удивился – прежде он с этим чудовищем не встречался. Доказательством тому служил сей неоспоримый факт, что до сих пор Артур спал по ночам спокойным сном. Оно было... было... было оно...

Артур захлопал глазами. Чудовище стояло совершенно бездвижно. Кого-то оно напоминало...

Ужасный холодный покой снизошел на Артура – он осознал, что перед ним предстало голографическое изображение мухи комнатной, шести футов высотой.

Он подивился, зачем это ему демонстрируют шестифутовую голографическую муху. И чей же голос он слышал?

Голограмма выглядела до озноба жизнеподобно.

Она исчезла.

– А может, я лучше тебе запомнися, – произнес голос, густой, гулкий, злобный голос – точно расплавленная смола с каким-то нехорошим намерением выливалась из котла, – в обличье кролика.

Раздался щелчок, и во тьме лабиринта появился кролик, колоссально, ужасающе, кошмарно пушистый и очаровательный кролик – тоже голограмма, но очень качественная: каждый пушистый и очаровательный волосок его пушистой очаровательной шубки казался настоящим. Артур ошеломленно узрел во влажном, очаровательном, немигающем карем глазу кролика собственное отражение.

– Рожденный во тьме, – загремел голос, – вскормленный во тьме. Однажды утром я впервые высунул свою головку в дивный новый мир – и череп мой хрустнул под каким-то примитивным кремневым орудием.

Изготовленным тобой, Артур Дент, и тобой же занесенным. Довольно тяжелым, насколько мне помнится.

Из моей шкурки ты сделал сумку для хранения красивых камешков. Мне это известно, поскольку в следующем перерождении я вернулся к жизни в обличье мухи, а ты меня прихлопнул. Вновь. Только на этот раз ты прихлопнул меня сумкой, сшитой из моей предыдущей шкурки.

Артур Дент, ты не просто жесток и бессердечен, но еще и лишен малейшего понятия о такте.

Голос временно умолк. Артур только беззвучно разевал рот.

– Вижу, сумку ты потерял, – заявил голос. – Что, надоела?

Артур беспомощно покрутил головой. Он хотел объяснить, что вообще-то, напротив, очень любил эту сумку, и очень ее берег, и всюду брал с собой, но по какой-то неизвестной причине после каждого путешествия у него на плече оказывалась совершенно не та сумка. И прямо в этот момент, как ни странно, он впервые заметил, что теперь у него на плече висит сумка из отвратительного искусственного леопардового меха, а не та, которая была у него еще несколько минут назад там, откуда он сюда прибыл. Будь его воля, он бы и в руки такую сумку не взял, и одному Богу известно, что в ней лежит, поскольку это не его сумка, и, конечно, он предпочел бы получить свою подлинную сумку назад, хотя, конечно, ему ужасно жаль, что он

столь преждевременно отобрал ее, точнее, сырье для нее, то есть кроличью шкурку, у прежнего владельца, в смысле кролика, к которому он сейчас безуспешно пытался обратиться.

Все, что ему удалось произнести вслух, – это «Эхм».

– Познакомься с тритоном, на которого ты наступил, – произнес голос.

И вот в коридоре перед Артуром предстал тритон: гигантский, чешуйчатый, зеленый. Обернувшись, Артур вскричал благим матом, отпрыгнул назад и оказался посреди кролика. Он снова вскричал, но отпрыгивать было больше некуда.

– Это тоже был я, – вкрадчиво зарычал голос, – можно подумать, ты не знал...

– Не знал? – вскинулся Артур. – Это можно было знать?

– Чем любопытна реинкарнация, – прогудел голос, – большинство индивидуумов, большинство душ даже не подозревают, что проходят через нее.

Он многозначительно умолк. Артуру показалось, что многозначительности в атмосфере встречи и так хватает.

– Я ОСОЗНАЛ, – прошипел голос, – то есть МОЕ СОЗНАНИЕ ПРОБУДИЛОСЬ. Медленно. Шаг за шагом.

Неизвестный вновь помолчал, переводя дух.

– Разве я мог что-то изменить, – взревел он, – когда каждый раз, вновь и вновь, вновь и вновь, меня постигала все одна и та же судьба! В каждом очередном перерождении я погибал от руки Артура Дента. В любом теле, на любой планете, в любой момент времени не успеваю я оглянуться, как приходит Артур Дент и – хрясь – со мной расправляется.

Трудненько не заметить. Нехилая памятка. Нехилый узелок на носовом платке. Вечная премия от судьбы, черт бы ее...

«Ну и ну, – говорила моя душа самой себе всякий раз, когда возносилась назад в астрал после очередной бесплодной, Денто-пресеченной вылазки в край живых, – этот тип, который переехал меня, когда я, никого не трогая, скакала по шоссе к своему любимому пруду... где-то я его уже видела...» И постепенно я воссоздал цельную картину происходящего. Дент, ты мой многократный убийца!

Отголоски вопля гулко покатались в оба конца коридора. Похолодевший Артур молчал, недоверчиво крутя головой.

– Вот этот миг, Дент, – завизжал голос, срываясь на писк от ненависти, – вот миг, когда у меня наконец-то отверзлись очи!

Перед Артуром, задохнувшимся от ужаса, предстало нечто неопишимо отвратительное.

Попробуем все же описать эту картину. Огромная пещера с сырыми, трепещущими стенами, в которой ворочалось, облизывая жуткие белые надгробия, колоссальное, скользкое, могучее китообразное существо. Высоко над пещерой поднимался широкий мыс, за которым виднелись темные закоулки еще двух отвратительных пещер, где...

Внезапно Артур Дент сообразил, что смотрит самому себе в рот, хотя прежде всего должен был обратить внимание на живую устрицу, которая беспомощно в этот рот погружалась.

Он с криком отпрянул, отводя глаза.

Когда он снова поднял голову, отвратительное видение улетучилось. В коридоре было темно, а некоторое время даже и тихо. Он остался наедине со своими мыслями. И мысли эти были весьма неприятные. Им не помешал бы вооруженный конвой.

Затем раздался низкий, гулкий скрип. Большой кусок стены отъехал в сторону, открыв обзор на еще один участок крошечной тьмы. Артур заглянул туда с не меньшей опаской, чем мышь в темную собачью будку.

Голос вновь заговорил с ним:

– Скажи мне, что это было совпадение, Дент. Только осмейся сказать мне, что это было совпадение!

– Это правда было совпадение, – поспешно выпалил Артур.

– Вранье! – зарычали в ответ.

– Это было... – повторил Артур, – ... было...

– Если это совпадение, – взревел голос, – то я не Аграджаг!!!

– Видимо, – проговорил Артур, – вы будете утверждать, что вы Аграджаг.

– Да! – прошипел Аграджаг, словно тяжким усилием мысли проник в смысл запутанного силлогизма.

– Э-э, боюсь, все равно это было случайным совпадением, – сказал Артур.

– Ну-ка поди сюда и повтори! – взвыл голос в новом припадке ярости.

Артур вошел в дверь и повторил, что то было совпадение, точнее, почти повторил. На последних слогах его язык лишился чувств, ибо зажегся свет, озарив помещение, в которое Артур забрел.

То был Собор Ненависти.

То был плод сознания не просто искалеченного, но буквально согнутого в дугу.

Он был велик и ужасен.

В нем находилась Статуя.

К Статуе мы еще вернемся.

Просторный, невероятно просторный зал – точно внутренность выскобленной изнутри горы (так оно и было в действительности). Ошалелому Артуру померещилось, что стены головокругительно вращаются вокруг него.

Стены были черны.

Там, где черный уступал место другим цветам, наблюдатель немедленно сожалел об этом, поскольку эти цвета принадлежали к широкой глазо-резущей гамме от Инфра-Страшного до Ультра-Вампиретового. Среди них можно было распознать такие оттенки, как Желтая Похоть, Красный Гадмий, Синий Ультрауморин, Берлинская Кобра, Змеиная Лазурь, Гнусно-Лиловый номер 13 и Холерная Зелень.

Этимися красками были раскрашены для заметности скульптурные украшения, а именно химеры, от которых стошнило бы самого Босха.

Все без исключения химеры пилились со стен, с колонн, с висячих контрфорсов, с хоров – пилились на Статую, до которой мы вскоре дойдем.

Хоть химеры и были таковы, что от них стошнило бы самого Босха, выражения их физиономий свидетельствовали, что при виде Статуи стошнило бы их самих (если б они имели желудки и прежде нашли кого-либо, кто не побоялся бы подать им обед).

Стены были облицованы мемориальными досками – в память о каждом из убиенных Артуром Дентом.

Некоторые из этих имен были подчеркнуты и отмечены звездочками. Так, корова, из чьего мяса была приготовлена говяжья отбивная, которую Артуру когда-то подали в одном ресторане, удостоилась лишь наимельчайшего петита, в то время как имя рыбы, которую Артур самолично выловил, а потом, решив, что она невкусная, выбросил недоеденной на помойку, было подчеркнуто двумя жирными линиями, а также уснащено тремя рядами звездочек и изображением окровавленного кинжала.

Но самым удручающим – помимо Статуи, к которой мы кругами да около подбираемся, – был тот несомненный факт, что все эти люди и существа были одним и тем же лицом.

И точно так же было несомненно, что это лицо, справедливо ли, несправедливо, было чрезвычайно уязвлено и разгневано.

Собственно, не будет преувеличением сказать, что подобного гнева Вселенная еще не видывала. То был гнев эпического размаха, жгучее, ослепительное пламя гнева, гнево-протуберанец, протянувшийся от края до края пространства и времени.

Свое наиболее полное воплощение этот гнев нашел в Статуе – главном экспонате этого музея кошмаров. То было скульптурное изображение Артура Дента. Причем весьма неличе-

приятное. Пятьдесят футов в высоту – и в каждом дюйме из этих пятидесяти футов овеществлено ярое рвение оскорбить, высмеять, принизить. От крохотного прыщика на левой ноздре до мешковатого покроя халата – ни единого аспекта внешности Артура Дента скульптор не упустил, ни единой мелочи не преминул извратить и осмеять.

Артур был представлен в виде монстра, мерзкого, ненасытного, прожорливого великана, огнем, мечом и челюстями прокладывающего себе путь сквозь невинную Вселенную, которую олицетворяли его жертвы. Точнее, жертва, единая во многих лицах.

Каждая из тридцати рук, которыми снабдило Артура священное негодование скульптора, совершала свое, отдельное позорное деяние: одна разбивала череп кролику, другая давила муху, третья мяла в пальцах цветов, четвертая ловила в волосах блох... Что делают некоторые руки, Артур сначала даже и не понял.

Многочисленные ноги Статуи по большей части были заняты растаптыванием муравьев.

Закрыв руками лицо, Артур беспомощно замотал головой из стороны в сторону, сокрушаясь и дивясь безумным капризам мироздания.

Когда же он снова отвел руки от своих глаз, перед ним стоял тот самый не то человек, не то зверь – существо, в общем, – которое, если верить его словам, Артур и преследовал столь безжалостно из перерождения в перерождение.

– XXXXXXrrrrrrrrrфаааааааXXXXXXXXX! – молвил Аграджаг.

Он, то есть оно, то есть черт его знает что, походил на очень злобную, очень толстую, очень летучую мышь.

Переваливаясь с боку на бок, Аграджаг неспешно обошел вокруг Артура и ткнул ему в грудь своей кривой когтистой лапой.

– Послушайте... – запротестовал Артур.

– XXXXXXrrrrrrrrrфаааааааXXXXXXXXX! – привел свои аргументы Аграджаг, и Артур скрепя сердце согласился с ними на том основании, что несколько побаивался этого отвратительного пришельца с его неадекватной яростью и искалеченным телом.

Аграджаг был черный и пузатый, с морщинистой, точно старая шина, мордой.

Его перепончатые крылья походили на жалкие, изломанные ширмочки, но смотрелись куда более грозно, чем обычные мускулистые крылья здоровой летучей мыши. Должно быть, дело было в беспрецедентном упорстве, с каким дух Аграджага держался за жизнь наперекор всем бурям.

Раскрыв пасть, Аграджаг продемонстрировал поразительную коллекцию зубов.

Тут не нашлось бы двух одинаковых – все они, казалось, были позаимствованы у разных зверей, а на челюстях располагались под столь странными углами, что за Аграджага становилось страшно – складывалось впечатление, что если он вдруг решит что-то пожевать, то с первой же попытки откусит себе полморды и, возможно, глаз в придачу.

Каждый из трех его глаз был маленьким и налитым кровью, а на жизнь смотрел еще менее здраво, чем объевшаяся рыба с куста бузины.

– Я был на крикетном матче, – проревел он.

В данном контексте это заявление показалось столь фантастическим, что у Артура буквально перехватило дух.

– Да не в этом теле! – вскричало существо, срываясь на визг. – Не в этом! Это мое последнее тело. Мое последнее перерождение. Модель «Смерть-Артуру-Денту». Мой последний шанс. И черт возьми, сколько мне пришлось за этот шанс повоевать!

– Но...

– Я пошел на... – ревел Аграджаг, – на крикетный матч! У меня было слабое сердце, но что плохого, сказал я жене, может случиться со мной на крикетном матче? И вот сижу я спокойно на трибуне, смотрю игру, и что же?

Прямо передо мной словно из-под земли злокозненно появляются какие-то двое. И последнее, что невольно заметили мои глаза перед тем, как мое слабое сердце разорвалось, – это, что один из них – Артур Дент, а из его бороды торчит кроличья кость. И это совпадение?

– Да, – выдохнул Артур.

– Ах совпаденьице? – завопило существо, болезненно всплеснув своими изломанными крыльями и слегка оцарапав себе правую щеку каким-то особенно кривым клыком. При ближайшем рассмотрении (до которого Артур предпочел бы не доводить дела), выяснилось, что вся морда Аграджага облеплена рваными полосками черного пластыря.

Артур нервно попятился. Схватился за бороду. В ужасе обнаружил в ней все ту же кроличью кость. Вырвал ее из бороды и отшвырнул подальше.

– Послушайте, – сказал он, – ведь это просто судьба над вами издевается. И надо мной. Над нами. Это чистая игра случая.

– Что ты, Дент, имеешь против меня? – прошипело существо, решительно ковыляя к нему.

– Ничего, – упорствовал Артур, – честно, ничего.

Аграджаг уставился на него круглыми, как пуговицы, глазами:

– Странная у тебя манера обращаться с теми, против кого ничего не имеешь. Только и делаешь, что их убиваешь. Я назвал бы это чрезвычайно оригинальным стилем социального взаимодействия. А еще я назвал бы это ложью!

– Но послушайте же, – не сдавался Артур, – мне очень стыдно. Это было ужасное недоразумение. Мне вообще-то пора. У вас есть часы? Мне нужно заняться спасением Вселенной. – С такими словами Артур все дальше пятился от Аграджага.

А Аграджаг следовал за ним.

– Однажды, – хрипел он, – однажды я решил капитулировать – больше не соваться в круг перерождений. Я хотел остаться в астрале. И что же?

Артур некрасиво замотал головой, выражая тем самым, что он не знает продолжения и знать не хочет. Он пятился бы и дальше, если б не уперся спиной в холодный черный камень, путем невообразимых геркулесовых усилий превращенный в гротесковое подобие его шлепанцев. Он покосился на свою собственную изуродованную сарказмом фигуру, что нависала над ним башней, гадая, каким загадочным делом занимается последняя из тридцати рук.

– И что же? Меня насильно выволокли назад в материальный мир, – продолжал Аграджаг, – в обличье растения, именуемого петунья. Причем в горшке. Это веселенькое и коротенькое перерождение началось с того, что горшок со мной оказался, безо всякой опоры, на высоте трехсот миль от поверхности весьма зловещей планеты. Не очень-то прочное положение для горшка с петуньей, скажете вы. И будете правы. Это перерождение завершилось недолгое время спустя, тремьями милями ниже. Ударом о свежий труп кашалота, осмелюсь добавить. То был мой павший брат по духу.

Аграджаг воззрился на Артура с обновленной ненавистью.

– По дороге вниз, – прошипел он, – я невольно заметил белый звездолет. Нестерпимо помпезный. А в иллюминаторе этого помпезного звездолета – сытую рожу Артура Дента. СОВПАДЕНЬИЦЕ?!

– ДА! – завопил Артур.

Вновь покосившись на Статую, он сообразил, что загадочная рука в своей бессмысленной жестокости способствовала рождению горшка с петуньей. Так просто и не догадаешься.

– Мне надо идти, – упорствовал Артур.

– Еще успеешь уйти, – заявил Аграджаг, – только сперва я тебя убью. СПЕРВА.

– Вы знаете, лучше не надо, – стал объяснять Артур, взбираясь на гладкий мысок своего каменного шлепанца, – потому что я, понимаете ли, должен спасти Вселенную. Мне необхо-

димо отыскать Серебряную Перекладину, вот в чем вся штука. А у покойника это вряд ли получится.

– Спасти Вселенную? – презрительно процедил Аграджаг. – Надо было раньше об этом думать, а не объявлять мне вендетту! Только один пример! Помнишь Бету Ставромулоса? Помнишь, как стоило тебе там появиться, и кто-то...

– Я в жизни там не был, – возразил Артур.

– ... кто-то попытался тебя убить, а ты пригнулся. Как ты думаешь, кого поразила пуля? Ты что сказал?

– В жизни там не был, на этой Старо... Старму... – повторил Артур. – И не понимаю, о чем вы толкуете. Мне пора.

Аграджаг буквально обмер.

– Как это не был? Ты – виновник моей тамошней смерти, как и всех остальных. Меня, случайного прохожего... – И затрясся мелкой дрожью.

– Я вообще о таком месте не слышал, – настаивал Артур. – И никто никогда не пытался меня убить. То есть никто, кроме вас. Может, мне еще предстоит туда попасть?

Аграджаг стоял, медленно хлопая глазами, точно олицетворение застывшего ужаса перед логикой.

– Ты не был... и даже не знаешь, что такое Бета Ставромулоса, все еще не знаешь? – прошептал он.

– Нет, – сказал Артур, – я вообще в первый раз слышу, что есть такая. Безусловно, никогда там не был и не собираюсь.

– О, ты туда все равно попадешь, – пробормотал Аграджаг со слезами в голосе, – попадешь как миленький. О священный вакуум! – Заковыляв прочь, он с тоской оглядел стены своего колоссального Собора Ненависти. – Я залучил тебя сюда слишком рано! – И разрыдался, вопя сквозь плач: – Слишком рано, о вакуум и все его гады!

Внезапно Аграджаг встрепенулся и уставил на Артура свой злобный, исполненный ненависти глаз.

– Я все равно тебя убью! – взревел он. – Даже если это логически невероятно! Все равно попробую, вакуум меня заарктури! Я взорву эту гору! – взвизгнул он. – Посмотрим, Дент, как ты тогда запоешь!

Превозмогая боль во всем теле, он медленно заковылял к небольшому черному жертвенному алтарю. Теперь он вопил столь яростно, что действительно буквально раздирал свое лицо клыками.

Соскочив со своего шлепанца, Артур побежал наперерез полоумному... нет, на три четверти безумному... существу, чтобы задержать его.

Прыгнув на этого злосчастного нетопыря, он с силой толкнул его на алтарь.

Аграджаг издал новый вопль, засучил конечностями, уставил на Артура одичалые глаза.

– Знаешь, что ты натворил? – прохрипел он, борясь с болью. – Ты просто взял да убил меня опять. Что тебе от меня нужно? Кровушки выпить?

После недолгих конвульсий он задрожал всем телом, а потом обмяк, в последний миг нажав большую красную кнопку на алтаре.

Артура охватил панический ужас: вначале из-за совершенного убийства, а потом из-за того, что по коридорам разнесся деловитый вой сирен и звон колоколов. Видимо, то был сигнал тревоги. Артур закрутил головой, озирая помещение.

Похоже, выйти можно было лишь через дверь, в которую он вошел. Стремглав он понесся к ней, отшвырнув свою противную сумку из искусственного леопарда.

Не помня себя, Артур мчался наудачу по лабиринту, то и дело шарахаясь от безумных воплей клаксонов и сирен, мигающих и переливающихся светильников.

И вдруг, завернув за очередной угол, он увидел прямо перед собой свет.

Этот свет не мерцал и не переливался. То было солнце.

Глава 19

Хотя выше было сказано, что из всех жителей нашей Галактики лишь земляне додумались сделать из истории Криккита игру (крикет), чем немало уронили себя в глазах общественного мнения, это замечание относится лишь к нашей Галактике, более того, лишь к нашему трехмерному миру. В квазимногомерных мирах (то есть превзошедших нас по количеству измерений) никакое развлечение не считается зазорным. И уже миллиарды лет, или как там у них подобный срок называется, тамошние жители играют в своеобразную игру, именуемую броккийским ультракрикетом.

«Будем смотреть на вещи прямо: это грязная игра (сообщает по этому поводу «Путеводитель»), но всякий, кто бывал в квазимногомерных мирах, знает, что народ там тоже грязный и дикий, истые язычники, по которым ядерные заряды плачут. На счастье квазимногомерцев и к нашему сожалению, никто еще не изобрел способа запускать крылатые ракеты под прямым углом к реальности».

Вот еще одно доказательство того факта, что редколлегия «Путеводителя» готова нанять любого случайного человека, который не постесняется зайти без приглашения и тут же засесть за компиляторство и плагиаторство. Особенно если этот самый случайный человек зайдет в редакцию днем, когда большинство штатных сотрудников отсутствуют.

Сделаем, кстати, фундаментальное заявление:

История «Путеводителя «Автостопом по Галактике» – это целая эпопея об идеализме и борьбе, отчаянии и рвении, успехах и провалах, а также беспрецедентно долгих обеденных перерывах.

Сведения о младенчестве «Путеводителя», наряду с основным корпусом его финансовых документов, ныне потеряны во мгле времен.

Другие весьма занимательные гипотезы о местонахождении этих утерянных сокровищ будут приведены несколько ниже.

Однако почти во всех дошедших до нас сказаниях упоминается редактор-основатель Брыссер Фруутмыс.

Сих слов, Брыссер Фруутмыс основал «Путеводитель», сформулировал фундаментальные принципы этого издания (а именно идеализм и честность) и вылетел в трубу.

Засим последовали долгие годы нищенского существования и поисков себя: Брыссер то бросался за советом к друзьям, то сидел в темных комнатах – на полу телом, в противозаконном состоянии сознания – душой, подумывал о том и о сем, раскидывал мозгами и поигрывал мускулами... пока судьба не свела его с монахами вундрунского Ордена Святого Обед (они проповедуют, что день жизни человека может служить символом его духовной жизни; а поскольку серединой, кульминацией дня является обед, то Обед следует: а) рассматривать как средоточие духовной жизни человека и б) вкушать в наипышнейших ресторанах).

Вдохновленный этой встречей, Брыссер заново основал «Путеводитель», заново сформулировал фундаментальные принципы идеализма и честности, а также адрес, по которому их следует незамедлительно послать, и привел «Путеводитель» к его первому великому коммерческому успеху.

Также он начал развивать концепцию того самого общередакционного обеденного перерыва, которой впоследствии было суждено сыграть ключевую роль в истории «Путеводителя», ибо это означало, что основной массив работы выполнялся руками безвестных прохожих, которые, забредая днем в пустынные кабинеты, обнаруживали какое-нибудь стоящее задание.

Вскоре после этого «Путеводитель» перешел в руки издательского дома «Мегадодо» с Беты Малой Медведицы, что обеспечило издание очень солидной финансовой базой и позво-

лило четвертому редактору, Лигу Лури-младшему, расширить обеденные перерывы до столь грандиозных масштабов, что на их фоне все усилия нынешних редакторов с их практикой проводить благотворительные обеденные перерывы на деньги спонсоров кажутся какими-то жалкими сандвичами.

Собственно, Лиг так и не подал формального прошения об отставке с редакторского поста – просто однажды поздно утром он покинул редакцию и больше не вернулся. Хотя с того момента миновало уже столетие с гаком, широкие массы сотрудников «Путеводителя» еще питают романтическую надежду, что он всего лишь отправился за круассанами и еще вернется, чтобы добросовестно поработать до вечера.

И потому все главные редакторы после Лига Лури-младшего именуются «И. О. Главного редактора», а стол Лига сохраняется в том же виде, каким он его оставил. Прибавилась лишь маленькая табличка: «Лиг Лури-мл., редактор. Пропал без вести. Вероятно, обедает».

Некоторые злые и корыстные языки намекают, что Лиг действительно погиб, а уложил его в могилу первый смелый эксперимент «Путеводителя» в области альтернативной бухгалтерии. Знают об этом немногие, да и те держат язык за зубами. А всякий, кто просто обращает внимание на любопытное, равно-ничего-не-означающее, чистой-воды-совпадение в истории бухгалтерии «Путеводителя» (а именно, что на какую бы планету этот отдел ни переносили, очень скоро эта планета гибла в огне войны или от какого-то стихийного бедствия), рискует попасть под суд за клевету.

Хоть и не к месту, упомянем, что в последние два-три дня перед уничтожением планеты Земля в связи со строительством нового гиперпространственного экспресс-маршрута резко подскочило количество замеченных НЛО – как над крикетной площадкой «Лордз» в лондонском районе Сент-Джон Вуд, так и над Гластонбери, что в Сомерсете.

Гластонбери с давних пор ассоциируется с легендами о древних королях, колдовстве, лечении бородавок и эльфийских кругах на земле. Это-то место и было избрано для нового помещения отдела финансовой документации «Путеводителя по Галактике». Более того, вся документация за последнее десятилетие была перемещена в волшебный холм за городской окраиной за считанные часы до появления вогонов.

Однако все эти странные, необъяснимые факты и события меркнут перед странностью и необъяснимостью правил игры в броккийский ультракрикет, бытующих в квазимногомерных мирах. Полный свод правил и установлений столь массивен и сложен, что первая же попытка собрать их в одной книге потерпела фиаско: сколлапсировав под собственной тяжестью, правила образовали Черную Дыру.

И все же изложим вкратце главные принципы:

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ. Отрастите как минимум три добавочных ноги. Особой пользы от них не будет, но публику позабавите.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ. Найдите одного хорошего игрока в броккийский ультракрикет. Сделайте с него несколько клонов. Так вы избежите тягостной возни с отбором и тренировками.

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ. Поместите свою команду и команду противника на большое поле и окружите их высокой глухой стеной.

Смысл этого правила таков: хотя ультракрикет весьма зрелищный вид спорта, но публике, которая отчаялась что-либо разглядеть, невольно начинает казаться, что происходящее вне поля ее зрения куда занимательнее, чем на самом деле. Разве сравнить ощущения очевидцев очередного банального матча с воодушевлением толпы, воображающей себе, что она прозевала величайшее в истории спорта событие?

ПРАВИЛО ЧЕТВЕРТОЕ. Перебросьте через стену разнообразные спортивные принадлежности. Сгодится все: крикетные биты, баскетбольные весла, теннисные ружья – короче, любая вещь, которой можно размахнуться.

ПРАВИЛО ПЯТОЕ. Тут игрокам следует пуститься во все тяжкие изо всех сил, используя любые принадлежности, которые они сумеют вырвать у других. Как только один игрок «салит» другого, ему следует немедленно отбежать на безопасное расстояние и извиниться.

Извинения должны быть четкими, искренними. Для вящей ясности и аргументированности их следует произносить в мегафон.

ПРАВИЛО ШЕСТОЕ. Командой-победительницей считается команда, которая победит первой.

Забавно, что чем больше растет популярность этой игры в квазимногомерных мирах, тем реже проводятся сами матчи, ибо к нынешнему времени большинство команд находится в состоянии постоянной войны друг с другом из-за разных взглядов на интерпретацию правил. И это только к лучшему – по большому счету нормальная добрая война приносит куда меньший урон психике игроков, чем затяжной матч в броккийский ультракрикет.

Глава 20

Быстрее стрелы, отчаяннее зайца, пыхтя паровозом, бежал Артур вниз по горному склону. И вдруг ощутил, что все массивное тело горы чуть-чуть шевельнулось под его ногами. Грохот.

Рев.

Скалы слегка затряслись. В затылок Артуру дохнуло жаром. Безумный испуг придал ему новые силы. Почва начала оползать, и Артуру впервые открылась вся образная сила словечка «оползень». Оно всегда казалось ему просто словом, но теперь он с ужасом осознал, как это странно, когда земля о-по-лза-ет. Именно это она и делала, оползала, неся на себе Артура. Его чуть не стошнило от страха и тряски. Почва оползала, гора многоголосо гундосила, Артур поскользнулся, упал, встал, опять поскользнулся, побежал. Сверху сходила лавина.

Камушки, за ними – камни, за ними – валуны неслись мимо него, точно неуклюжие щенята, только гораздо, гораздо крупнее, намного, намного массивнее и тверже щенят. Один удар в висок – верная смерть. Глаза Артура плясали в своих орбитах, гонясь взглядом за камнями, ноги Артура плясали на пляшущей земле. Он бежал, и ему казалось, что бег – ужасная, вгоняющая в пот болезнь. Его сердце колотилось в такт окрестному геологическому безумию.

И сколько Артур ни напоминал себе о прочной логической гарантии своей безопасности – а именно о том факте, что ему суждено выйти из переделки живым, раз в будущем ему уготован очередной эпизод саги нечаянных гонений на Аграджага, – нервы не сдавались на уговоры. Он бежал в смертельном ужасе, со смертельным ужасом, по смертельному ужасу и сквозь смертельный ужас, причем ужас сидел у него на шее и ужасом погонял.

Внезапно он опять запнулся обо что-то ногой и по инерции полетел под гору. И буквально перед самым мигмом столкновения с землей увидел прямо перед своим носом небольшой синий портплед. Тот самый – это Артур помнил точно, – который так и не вернулся к нему из недр багажного отделения Афинского аэропорта лет десять назад по Артуровому физическому времени. Артур страшно удивился – и, великолепнейшим образом промахнувшись мимо земли, завис в воздухе. В голове у него заиграла музыка.

Артур летел, точно птица, не больше и не меньше. Он обалдело оглядел свое тело – но сомнений не было. Да, он летает! Ни один из его членов не соприкасался с землей – собственно, даже не был близок к этому. Самым натуральным образом он парил в воздухе, а вокруг свистели камушки, камни и валуны.

Теперь они не были ему страшны. Удивленно шурясь от того, как просто все оказалось, он позволял ветру поднимать себя все выше и выше, оставляя свистящие стаи валунов далеко внизу.

Артур с изрядным любопытством поглядел на землю. Между ним и трясущейся горой теперь была примерно тридцатифутовая толща пустого воздуха – пустого, если не считать валунов, которые взлетали вверх и тут же валились обратно, в железные объятия закона тяготения. Того самого закона, который, похоже, ни с того ни с сего решил дать Артуру отпуск.

Почти сразу же Артур с интуитивной ясностью, характерной для советов инстинкта самосохранения, осознал, что в этот момент о тяготениях задумываться вредно – а не то этот самый Ньютонов закон сердито поднимет голову и поинтересуется: «Ты что это там выделяешь?» И все – пиши пропало!

Поэтому Артур задумался о тюльпанах. Что было сложно, но сил Артур не жалел. Он принялся воображать себе тюльпаны, обворожительную упругость их выпуклых донцов, их бесчисленные сорта и невообразимые расцветки, попытался вычислить, какой процент от общей численности тюльпанов на Земле растет, то есть рос во время оно, не дальше мили от какой-либо ветряной мельницы. Вскоре эта тема ему опасно прискучила, и он ощутил, как воздуш-

ная опора выскальзывает из-под него, заметил, что его сносит к свистящим стаям валунов, о которых он столь мужественно старался не думать. Тогда Артур задумался об Афинском аэропорте, на чем выиграл целых пять минут увлеченного негодования – после чего ошарашенно заметил, что воспарил аж на двести ярдов.

Он задумался было, как теперь попасть обратно, но тут же сам себя одернул и решил оценить свое положение с объективной точки зрения.

Он летел. Ну и что из этого следует? Он вновь поглядел вниз, на землю. Покопился вскользь, лениво. От его взгляда не укрылись два обстоятельства. Первое – катастрофа, похоже, истощила свои силы. Невдалеке от вершины теперь зиял кратер, видимо, в том месте, где порода, просев, засыпала гигантский собор-пещеру, статую его самого и жалкое искаленное тело Аграджага.

Другим обстоятельством был его портплед – тот самый, который он утратил в Афинском аэропорту. Портплед спокойненько стоял себе на ровном месте, в окружении утомленных валунов, но явно невредимый. Как так вышло, Артур ума не мог приложить, но эта загадка меркла перед величайшей тайной самого присутствия сумки в этом месте, которая вообще была Артуру не по зубам. Факт тот, что портплед был здесь. А противная сумка из липового леопарда словно в воду канула, что было только к лучшему, хоть и не более понятно.

Артур осознал, что портплед придется подобрать. Как ни крути, он парил на высоте двухсот ярдов над поверхностью чужой, даже неизвестной ему по имени планеты. Разве можно было спокойно смотреть на этот крохотный кусочек его былой жизни, жалобно сидящий посреди голых камней – далеко-далеко от останков его дома, развеянных космическими ветрами.

Кроме того, как сообразил Артур, внутри сумки, если ее содержимое осталось в неприкосновенности, вполне могла оказаться жестяная банка с греческим оливковым маслом – ныне единственная подобная банка во Вселенной.

Медленно, опасливо, дюйм за дюймом, он начал пробираться вниз, тихо переваливаясь с боку на бок, точно нервный бумажный листок.

Получалось ловко. Артур был доволен. Воздух держал его, но не слишком назойливо. Две минуты спустя он завис в каких-то двух футах над портпледом и мучился тяжелой думой. Легко паря и – как только мог осторожно – морща лоб.

Удержит ли он сумку, если подберет ее? Вдруг перегрузка притянет его к земле?

А вдруг одно только прикосновение к наземному предмету внезапно разрядит ту незнанию магическую энергию, что держит его в воздухе?

Может, лучше не испытывать судьбу и на несколько минут спуститься на прочную землю?

Но удастся ли ему взлететь еще хоть раз?

Позволив себе сознательно насладиться ощущением полета, Артур обнаружил, что оно несказанно чудесно. Разве можно было добровольно отказаться от этого тихого восторга? Тем более, возможно, навеки? С этой тревогой в сердце он чуточку вознесся вверх – просто на пробу, чтобы ощутить удивительную нетрудность этого движения. Полежал на воздухе, покачался. Попробовал спикировать.

Оказалось, что пике – это класс! Вытянув перед собой руки, с развевающимися волосами, он нырнул вниз, проехался на животе по воздушной глади футов в двух от земли и, как на качелях, взлетел обратно ввысь, сам себя подхватил – вот просто взял да и подхватил. Так и завис.

Здорово.

Вот таким манером и следует подхватить с земли сумку, сообразил он. Он опишет петлю над землей, подхватит в перигее этой петли сумку и выскочит с грузом обратно наверх. Он был уверен в успехе.

Артур описал в воздухе несколько пробных петель. С каждым разом получалось все лучше. Ощущение ветра в лицо, упругое покачивание тела, свист воздуха о кожу – все это,

взятое воедино, пьянило сердце как ни разу со времени, со времени... – да с самого мига его рождения, казалось Артуру. Он парил, лежа на ветерке, и разглядывал ландшафт – как выяснилось, не очень-то приятный на вид. Этакая искореженная пустошь. Артур решил, что и смотреть на нее не будет. Просто подхватит сумку и... впрочем, он еще не знал, что будет делать после воссоединения с сумкой. Он рассудил, что слетает за ней, а там уж будет видно.

Прикинув свое положение относительно ветра, он ринулся ему наперерез и развернулся. Он парил на своем теле. Хотя Артуру неоткуда было об этом узнать, его тело плавно уйломикивало.

Он поднырнул под воздушный поток – и вошел в пике.

Воздух расступился перед ним. Он несся, точно молния. Земля растерянно покачнулась, собралась с мыслями и плавно приподнялась ему навстречу, услужливо, словно на блюдечке, подставляя сумку с изломанными пластиковыми ручками, задранными вверх.

На полдороге вниз Артур чуть не попал в беду – он внезапно усомнился в своих способностях к воздушной акробатике и едва не оказался прав, но вовремя опомнился. Артур пронесся на бредущем над землей, ловко просунул руку в ручки сумки, начал взбираться обратно ввысь, не сдюжил... и внезапно грохнулся на каменистую землю. Весь дрожа, весь в синяках и шишках.

Тут же неуклюже вскочил и поковылял, сам не зная куда, повесив голову, сокрушенно размахивая сумкой.

Его ноги тяжело притягивало к земле, как было всегда. Собственное тело казалось ему громоздким мешком с картошкой, который вперевалочку тащился по земле, а на душу словно вывалили вагон свинца.

Артур еле тащился, борясь с головной болью. Перед глазами все плыло. Он попытался перейти на бег, но коленки подгибались. Оступившись, он упал навзничь... и в этот самый момент вспомнил, что в сумке находится не только жестянка оливкового масла, но и несколько бутылок репины из магазина «дьюти-фри». В приятном изумлении от этого открытия он лишь спустя десять секунд заметил, что опять взлетел.

Артур разразился воплем облегчения, восторга и чистого физического наслаждения. Он принялся выделять в небе петли, «бочки», «колеса» и перевороты. Весело оседлав восходящий поток воздуха, он стал инспектировать содержимое портпледа. Он чувствовал себя точь-в-точь как те ангелы во время их знаменитого танца на булавочной головке, когда философы тщетно пытались их сосчитать. Он расхохотался счастливым смехом, обнаружив, что в сумке нашлись и оливковое масло, и рецина, а также разбитые солнечные очки, пересыпанные песком плавки, несколько измятых открыток с видами Санторини, неказистое, но большое полотенце, горстка красивых камней и другая горстка – клочков бумаги с адресами людей, которых он никогда больше не увидит (о чем Артур подумал с огромным облегчением, хотя ценой этого облегчения была гибель Земли). Камни он выбросил, очки нацепил на нос, а клочки бумаги развеял по ветру.

Спустя десять минут, когда Артур празднично дрейфовал сквозь облако, крупная, крайне предосудительная вечеринка подкралась к нему сзади и пнула его пониже спины.

Глава 21

Самая долгая и разрушительная вечеринка в истории Галактики длится уже четвертое поколение, но никто из гостей не выражает ни малейшего желания уйти. Правда, один субъект покосился на часы, но за прошедшие с этого мига одиннадцать лет его инициатива так и не была подхвачена.

Беспорядок там беспрецедентный: пока сам не увидишь, не поверишь – но если у вас нет никакой особенной необходимости проверить это заявление собственными глазами, то лучше и не ходите смотреть – любоваться там нечем.

С недавних пор высоко за облаками наблюдаются какие-то взрывы и вспышки. Есть предположение, что это началась битва между эскадрильями нескольких конкурирующих компаний по чистке ковров, которые выются над местом вечеринки подобно стервятникам. Но мало ли чего не болтают на вечеринках, особенно на этой?

Главная – чреватая подлинным бедствием – опасность в другом. На данный момент все участники вечеринки являются либо детьми, либо внуками праправнуков людей, которые когда-то сошлись на эту вечеринку, да так здесь и поселились. Благодаря законам естественного отбора, наследования регрессивных генов и так далее теперь все участники вечеринки оказались либо заядлыми фанатиками веселого времяпрепровождения, либо заиками-идиотами, либо и тем и другим сразу (причем идиотофанатичных гибридов становится все больше).

Помимо прочего, это означает, что с генетической точки зрения каждое следующее поколение склонно уйти с вечеринки еще меньше, чем предыдущее.

Так что в дело вступают другие факторы – например, объемы оставшихся запасов алкоголя.

Однако благодаря некоторым предпринятым мерам, которые в свое время показались неплохой идеей (одна из опасностей вечно длящейся вечеринки – это тот факт, что все идеи, которые кажутся неплохими исключительно во время вечеринок, так и продолжают ими казаться, ибо вечеринка все не кончается и не кончается), эти запасы истощатся еще не скоро.

Такой вот неплохой идеей когда-то казалась мысль, что вечеринка должна улететь за облака. Не в смысле метафорического термина «улетный» – «улетной» в идеале должна быть любая вечеринка, – но совершенно буквально.

Как-то раз под покровом ночи, давным-давно, компания пьяных инженеров-звездолетчиков из первого поколения гостей вечеринки шлялась по зданию, по дороге то и дело что-то привинчивая, просверливая, чем-то погромыхая... Наутро солнце встало из-за горизонта и ахнуло: его лучи осветили здание, полное счастливых пьяных людей и парящее над верхушками деревьев, подобно юной, робкой птице.

Мало того, улетевшая вечеринка умудрилась обзавестись целым оружейным арсеналом. Предвидя мелкие затруднения с виноторговцами, гуляки готовились не дать себя в обиду.

Превратиться из профессиональных алконавтов в пиратов-любителей оказалось несложно. Кроме того, это приятно освежило атмосферу вечеринки, которая уже давненько начала застаиваться, ибо музыканты уже притомились вновь и вновь играть все известные им песни.

Они брали на abordаж пароходы, совершали набеги на склады, удерживали целые города, требуя выкупа в виде крекеров, соуса из авокадо, колбасы салями и алкогольных напитков. Последние теперь поступают на борт вечеринки по трубам с летающих танкеров.

Однако проблема истощения запасов алкоголя в один прекрасный день обещает стать актуальной.

Планета, над которой летает вечеринка, сильно изменилась со времен ее первого взлета.

Проще говоря, планета разорена.

Вечеринка разграбила добрую половину ее земель, причем никому еще не удалось дать пиратам сдачи, поскольку их маневры в небе безумно непредсказуемы (и непредсказуемо безумны).

Кошмар, а не вечеринка.

Особенно когда она ударяется тебе пониже спины.

Глава 22

Извиваясь от боли, Артур лежал на искореженной плите из армированного бетона. Края встречных облаков хлестали его по лицу, а откуда-то снизу доносились, окончательно сбивая его с толку, звуки натужного веселья.

Один звук особенно его озадачил – частично потому, что песня «Раскинулась Вега широко» была ему незнакома, частично по вине исполнявших ее музыкантов – они очень устали, и потому одни исполняли ее в размере на три четверти, другие – на четыре, а некоторые виртуозы – в гармонии «пи-эр квадрат» (в зависимости от того, кто сколько минут успел проспать за последние годы).

Артур лежал, шумно втягивая в себя сырой воздух, и опасливо ощупывал свое тело, чтобы понять, куда ранен. Но к какому бы участку себя он ни прикоснулся, всюду болело. Через некоторое время он сообразил, что это сами пальцы болят. Похоже, он растянул запястье. Спину тоже ломило, но вскоре Артур пришел к утешительному выводу, что разбился не сильно. Синяки, конечно, да испуг, но это дело житейское. Интересно, чего это вполне земное здание летает здесь, в облаках?

С другой стороны, Артур вряд ли смог бы достоверно объяснить, как сам сюда попал, а потому решил, что он и здание просто должны принять друг друга такими, какие есть. Он поднял глаза. Над ним нависала стена из белых каменных блоков, покрытых темными разводами. Дом как дом. Бетонные плиты, на которых возлежал Артур, образовывали вокруг здания нечто вроде каймы или выступа в три-четыре фута шириной. То был ломоть земли, в который здание вечеринки уходило фундаментом, а посему прихватило его с собой, чтобы держаться корней.

Артур опасливо встал и, заглянув через край бетонной каймы, испытал острое головокружение. Высоко-о... Мокрый от пота и тумана, он прижался к стене. Его голова плыла свободным стилем, зато под ложечкой что-то оборвалось, точно прыгнуло с вышки.

Хотя Артур забрался на эту верхотуру собственными силами, у него не было сил даже смотреть на ужасную пустоту внизу. Нечего и думать о том, чтобы спрыгнуть наудачу. Артур не собирался и на дюйм приближаться к краю.

Прижав к себе портплед, он стал пробираться вдоль стены в надежде отыскать дверь. Веская тяжесть банки с оливковым маслом была для него великим утешением.

Он двигался в сторону ближайшего угла, надеясь, что стена за углом окажется более богатой входами (эта не имела ни одного).

От диких маневров здания у Артура сердце уходило в пятки. Немного погодя он достал из портпледа полотенце и еще раз делом подтвердил тезис: «Полотенце – лучший и полезнейший друг автостопщика в Галактике». А конкретно, Артур замотал полотенцем голову, чтобы не видеть, что делает.

Его ноги семенили вдоль стены. Вытянутая рука ощупывала камни.

Наконец он дошел до угла и, просунув за него руку, нащупал нечто умопомрачительное (сам от удивления чуть не упал). А именно – другую руку.

Руки схватились друг за дружку.

Артуру ужасно хотелось сорвать другой рукой с глаз полотенце, но та держала драгоценную сумку с оливковым маслом, рециной и видами Санторини.

Он пережил один из этих моментов «самосознания», когда человек вдруг мысленно оглядывается, смотрит на себя и думает: «Кто я? Что это я затеял? Чего я достиг? Хорошо ли у меня получается?» Артур тихонечко заскулил.

Он попытался высвободить свою руку. Тщетно. Чужие пальцы сжимали ее железной хваткой. Оставалось только двигаться к углу. Выставив из-за угла голову, он встряхнулся, пытаясь

сдвинуть с глаз полотенце. Владелец другой руки отреагировал на это вскриком, преисполненным непонятно каких чувств.

Полотенце содрали с головы Артура, и прямо ему в глаза уставились очи Форда Префекта. Рядом стоял Слартибартфаст, а за ним ясно виднелось крыльцо и большая закрытая дверь.

Форд и Артур застыли, распластавшись по стене, безумными глазами созерцая плотное, глухое облако вокруг, пытаясь не обращать внимания на опасные маневры пляшущего в воздухе здания.

– Где тебя носило, фотон тебе в глотку? – прошипел Форд в панике.

– Э-э, ну, я... – проговорил Артур заплетающимся языком, ломая голову над кратким ответом. – Да так, кое-где. А что вы тут делаете?

Форд вновь уставил на Артура свои глаза безумца.

– Они не выпускают нас без бутылки, – прошипел он.

Первое, что заметил Артур, когда они вошли в самую гущу вечеринки (не считая шума, ужасной духоты, режущих глаза цветных пятен, что проступали сквозь дымный воздух, залежей битого стекла, пепла и авокадного соуса на полу, а также кучки птеродактилеобразных, затянутых в люрекс существ, которые навалились на его драгоценную бутылку рецины с визгом: «Прелестная новинка, прелестная новинка!»), была Триллиан, которую обхаживал Бог-Громовержец.

– По-моему, я видел вас в «Конце Вселенной», – говорил он.

– Это вы были с молотом?

– Да. Здесь мне куда больше нравится. Никакой благопристойности, а риск так и витает в воздухе.

Отвратительные вопли радости сотрясали зал. Его глубина была неясна из-за плотной толпы веселых, громкоголосых существ, которые бодро кричали друг другу что-то неразборчивое, а порой бились в истериках.

– Похоже, здесь не скучно, – молвила Триллиан. – Что ты сказал, Артур?

– Я сказал: «Черт возьми, как ты сюда попала?»

– Я была случайным набором точек, странствующим по Вселенной. Ты знаком с Тором? Он умеет делать гром.

– Добрый вечер, – произнес Артур. – Наверное, это очень интересное занятие.

– Привет, – сказал Тор. – Верно. Ты себе налил?

– М-м-м, во-о-обще-то нет...

– Тогда иди-ка отсюда и налей.

– Потом увидимся, Артур, – сказала Триллиан.

В голове у Артура что-то щелкнуло, и он воровато огляделся по сторонам:

– А что, Зафода здесь нет?

– Еще увидимся, – твердо повторила Триллиан, – попозже.

С лица Тора – собственно, даже не с лица, а из всклокоченной бороды – на Артура уставились два злых воронено-черных глаза. Скучное освещение, собравшись с силами, угрожающе блеснуло на рогах его шлема. Громовержец взял Триллиан под локоток своей ручищей, и его бицепсы объехали один вокруг другого, точно два «фольксвагена» на стоянке.

Тор увел Триллиан, по дороге повествуя ей:

– А знаете, у бессмертия есть одно любопытное свойство...

– А знаете, у космоса есть одно любопытное свойство, – услышал Артур голос Слартибартфаста, который беседовал с неким объемистым, а точнее, необъятным существом, по шее погруженным в одеяние типа розового спального мешка, – он беспредельно скучен.

– Скучен? – переспросило существо, моргнуло своими красноватыми глазками, продемонстрировав набрякшие веки, и вновь очарованно уставилось на серебристые седины Слартибартфаства.

– Именно, – подтвердил старец, – скучен до мозга костей. Даже удивительно. Максимум формы, минимум содержания, видите ли. Если позволите, я процитирую в доказательство кое-какие статистические сведения. Хотите?

– Э... я...

– Прошу вас. Мне было бы очень приятно. Видите ли, эти сведения тоже скандально, удивительно скучны...

– Извините, я вас охотно выслушаю через минутку, когда вернусь, – сказала необъятная дама, погладила старца по руке и, подобрав полы своего платья-мешка, на манер судна-амфибии, исчезла в толпе.

– Я уж думал, она никогда не уйдет... – проворчал старец. – Пойдем, землянин...

– Артур.

– Мы должны найти Серебряную Перекладину. Она где-то здесь...

– А может, передохнем чуточку? – взмолился Артур. – У меня был сегодня тяжелый день. Кстати, здесь Триллиан, она не сказала, как здесь очутилась, но, думаю, это и не важно...

– Или ты забыл, что над Вселенной нависла угроза?

– Вселенная, – заявил Артур, – не такая уж молоденькая и малюсенькая, чтобы не позаботиться о себе полчаса. Ну хорошо, – добавил он, когда Слартибартфаст насупился еще мрачнее, – я похожу и поспрашиваю, не видел ли кто ее.

– Отлично. Отлично, – пробормотал Слартибартфаст и сам ввинтился в толпу, встреченный криками: «Спокойно, дедуля».

– Вы нигде не видели Перекладины? – спросил Артур у коротышки, почти гнома, который стоял у стены с таким видом, будто просто мечтает кого-нибудь выслушать. – Она сделана из серебра, жизненно важна для безопасности Вселенной и примерно вот такой длины.

– Нет, – ответил гномик, – но давайте опрокинем по маленькой, и вы мне все о ней расскажете по порядку.

Мимо пронесся Форд Префект, выделявая разудалые и не совсем пристойные па какого-то танца в паре с дамой, чью головку украшало сооружение типа Пизанской башни. Одновременно Форд тщетно пытался с ней беседовать.

– У вас чудесная шляпка! – орал он.

– Что?

– Я сказал, шляпка у вас чудесная!

– Но я без шляпы...

– Ну, значит, чудесная головка.

– Что?

– Головка у вас чу-де-сна-я. Оригинальная конфигурация черепа.

– Что?

Форд вставил в череду сложных телодвижений, предписанных ритуалом танца, утомленное пожатие плечами.

– Я сказал, что вы классно танцуете, – возопил он, – только не кивайте так часто.

– Что?

– Просто каждый раз, когда вы киваете... – начал Форд, – ... ай!

Его партнерша наклонила голову вперед для очередного «Что?» и в очередной раз крепко стукнула его по лбу острым выступом своего башнеобразного черепа.

– В одно прекрасное утро мою планету взорвали, – сказал Артур (неожиданно для себя он принялся рассказывать гномику всю свою жизнь или по крайней мере ее избранные главы), –

вот почему я так одет, в одном халате. Понимаете, всю мою одежду взорвали вместе с планетой. Я как-то не предвидел, что попаду на вечеринку.

Гномик закивал.

– Потом меня выбросили за борт звездолета. Прямо в халате. Хотя уместнее был бы скафандр. А вскоре я узнал, что моя планета была построена специально для кучки мышей. Можете себе представить мои чувства. Потом меня опять обстреляли и пытались взорвать. Собственно, это уже абсурд какой-то. То и дело обстреливают, взрывают, расщепляют на атомы, лишают чая, а не так давно я потерпел крушение в болоте и был вынужден пять лет ютиться в сырой пещере.

– Ясно-ясно, – просиял гномик, – ну и как, весело провели время?

Артур так и поперхнулся коктейлем.

– Какой у вас звонкий, заразительный кашель, – проговорил в изумлении гномик, – ничего, если я попробую вам вторить?

И с этими словами он разразился необыкновенным, громогласным кашлем, который так ошеломил Артура, что он было поперхнулся, но обнаружил, что и так уже это делает, и совсем запутался.

Вместе они исполнили глотконадрывающий дуэт, продлившийся целых две минуты, пока Артуру не удалось наконец освободить «не то горло» от коктейля.

– О, сколько в этом энергии, – проговорил гномик, пытаясь и отирая с глаз слезы. – Осмелюсь заметить, вам очень интересно живется. Спасибо большое.

Тепло пожав Артуру руку, он исчез в толпе. Артур только помотал головой.

К нему приблизился молодой человек агрессивного вида: рот – крючком, нос – фонарем, маленькие кругленькие скулы. Он был одет в черные брюки и распахнутую до пупа черную рубаху (если у него был пуп, ибо жизнь уже научила Артура не делать поспешных выводов об анатомическом строении новых знакомцев). С шеи прищельца свисали, позванивая, уродливые золотые побрякушки. В руке он держал нечто закрытое черным футляром и явно старался, чтобы окружающие замечали, что он старается пронести этот предмет незамеченным.

– Э-э... вы только что назвали свое имя, если я не ослышался? – спросил он.

Действительно, в разговоре с гномиком Артур, среди многих прочих вещей, сообщил ему и свое имя.

– Да, меня зовут Артур. Артур Дент.

Молодой человек, казалось, приплясывал на месте под какую-то свою мелодию, не совпадающую ни с одной из нескольких, которые в тот момент исполнял скучающий ансамбль.

– Ага, – сказал он, – просто один тип из одной горы хотел вас видеть.

– Я с ним уже виделся.

– Да, только он, знаете, очень волновался.

– Да виделся я с ним.

– Ага. Ну, я так рассудил, вас, наверное, следует предупредить.

– Да знаю я. Я с ним виделся.

Молодой человек умолк, жуя резинку. Затем хлопнул Артура по спине:

– О'кей, отлично. Я за что купил, за то и продал, верно? Доброй ночи тебе, ни пуха ни пера, кучу премий получить.

– Кучу чего? – переспросил Артур, у которого уже голова шла кругом.

– Да чего угодно. Делай свое дело. Делай свое дело на совесть.

Чавкнув жвачкой, молодой человек сделал смутно побудительный жест.

– Зачем?

– А можешь и не на совесть. Хочешь – халтурь, сачкуй – кому какое дело? Все равно всем плевать! – При этих словах лицо молодого человека гневно налилось кровью, и он сорвался на

крик: – Можешь вообще с ума сойти! Уходи-ка лучше, проваливай, не стой над душой, парень. Катись в вакуум!!!

– Ладно, я ухожу, – поспешно пробормотал Артур.

– Я не шутки шутил. – Резко взмахнув рукой, молодой человек скрылся в толпе.

– Чего это он? – спросил Артур у девушки, оказавшейся в тот момент рядом. – Почему он пожелал мне получить премию?

– Обычный киношный треп, – пожала девушка плечами. – Его только что премировали на ежегодном конкурсе Института Развлекательных Иллюзий на Альфе Малой Медведицы, вот он и надеялся невзначай проболтаться про свою премию к слову, только вы о ней не спросили.

– Ясно, – сказал Артур, – ясно... Мне очень неловко. А за что ему дали премию?

– «За самое беспричинное использование непристойного слова из трех букв в серьезном сценарии».

– Понимаю, – сказал Артур, – и в чем же состоит премия?

– Да это просто памятный приз. «Рори» называется. Знаете, такая маленькая серебряная штучка на большом черном пьедестальчике. Вы что-то сказали?

– Я ничего еще не сказал, я только собирался спросить, за что эта серебряная...

– Ой, я думала, вы сказали: «Уф!»

– Что я сказал?

– «Уф».

В последние годы на летучую вечеринку частенько заваливались без приглашения прожигатели жизни с других планет. И уже некоторое время постоянные обитатели вечеринки, глядя вниз на родную планету – на разрушенные города, разоренные фермы, выжженные виноградники, моря, загаженные крошками от печенья и кое-чем похуже, – подумывали, что отчизна незаметно растеряла свое былое очарование. Некоторые уже ломали голову, как бы так исхитриться и протрезветь, дабы подготовить вечеринку к выходу в космос и отправиться к иным планетам, на поиски чистого воздуха, от которого голова не болит.

Эта перспектива очень утешила бы последних голодающих фермеров, которые еще умудрялись добывать пищу насущную из истощенной почвы планеты, но в тот день, когда вечеринка с воем вылетела из облаков и перепуганные фермеры задрали головы, предвидя очередной набег на винокурни и сыроварни, им тут же стало ясно, что в обозримом будущем эта вечеринка вряд ли куда-либо полетит. И вообще ей недолго осталось. Скоро-скоро придет пора похватать шляпы и пальто и, осоловело выбравшись наружу, долго выяснять, который час, какое тысячелетие на дворе и где на этой опаленной, искореженной земле ближайшая стоянка такси.

Вечеринка слилась в ужасном объятии со странным белым звездолетом, проткнувшим ее насквозь. Вдвоем они кружились, вертелись и качались в небесах, позабыв о собственной тяжести.

Облака расступились. Воздух с ревом спасался с их дороги.

В этом поединке вечеринка и крикитский крейсер несколько напоминали двух чаек, одна из которых пытается создать третью внутри второй, меж тем как вторая чайка из всех сил старается объяснить, что еще не готова обзавестись третьей, вообще не уверена, что хочет иметь потенциальную третью чайку отданной конкретной первой, тем более здесь, между небом и землей.

Небо пело и стонало от ярости противников. Ударные волны сотрясали землю.

И вдруг, испустив глухое «Фу!», крикитский корабль исчез.

Вечеринка беспомощно пронеслась по небу, точно человек, который прислонился к двери, – а та возьми да и раскройся. Вечеринка переваливалась с боку на бок – турбинные

двигатели слабели. Пытаясь выправиться, она только глубже увязала в воздухе. Дотащившись до горизонта, она поковыляла обратно.

Очевидно, часы ее были сочтены. Вечеринке подрезали крылья. Порой она выделяла какой-нибудь пируэт, но былая лихость уступила место подагрической неуклюжести.

И теперь чем дальше она тужилась избежать столкновения с землей, тем болезненнее обещало быть это возвращение с небес.

Внутри здания дела шли тоже не ахти как. Строго говоря, совсем плохо. Присутствующие не стеснялись выражать свое неудовольствие вслух. Например, так поступили криккитские роботы.

Они унесли с собой приз «За самое беспричинное использование непристойного слова из трех букв в серьезном сценарии», оставив взамен пепелище. Артур был удручен не меньше, чем злосчастный лауреат «Рори».

– Мы бы с радостью остались вам помочь, – вскричал Форд, лавируя между обломками, – но у нас другие планы.

Вечеринка вновь завалилась набок, и уцелевшие гуляки разразились стенаниями.

– Дело в том, что нам надо спасти Вселенную, – продолжал Форд. – А если вам это кажется пустой отговоркой, то, возможно, правда ваша. В любом случае мы сматываемся.

Тут Форд узрел на полу чудо – непочатую, целехонькую бутылку.

– Можно, мы вот это возьмем? Вам она уже не понадобится.

Заодно он прихватил пакет хрустящего картофеля.

– Триллиан? – вскричал Артур надтреснутым голосом насмерть перепуганного человека. Он ничего не мог разглядеть в этом дымном хаосе.

– Землянин, нам пора, – нервно проговорил Слартибартфаст.

– Триллиан? – вновь воззвал Артур.

Минуты через две дрожащая Триллиан вынырнула из дыма, опираясь на руку своего нового друга – Тора-Громовержца.

– Девушка со мной, – заявил Тор. – У нас в Валгалле сейчас гудят по-крупному, и мы немедленно вылетаем...

– Где вы были, пока тут все это творилось?

– Наверху, – пояснил Тор. – Я ее взвешивал. Знаете, полет – дело тонкое, надо учесть сопротивление ветра и все такое...

– Она полетит с нами, – сказал Артур.

– Эй, – воскликнула Триллиан, – разве я тебя...

– Нет, ты отправишься с нами, – повторил Артур.

Тор уставил на него пылающие угли своих глаз. Очевидно, всемирность не входила в число его божественных достоинств.

– Она пойдет со мной, – тихо молвил он.

– Нам пора, землянин, – беспокойно проговорил Слартибартфаст и потянул Артура за рукав.

– Нам пора, Слартибартфаст, – беспокойно проговорил Форд и потянул за рукав Слартибартфаста. Телепортер находился у старца.

Вечеринка прыгнула и закачалась, сбив всех с ног. Всех, кроме Тора и Артура, который, обмирая от страха, уставился в черные глаза Громовержца.

Медленно, сам себе дивясь, Артур, лилипут на фоне Тора, занес свои малюсенькие кулачки.

– На драку набиваешься? – спросил он.

– Вы что-то сказали, госпожа козявочка? – взревел Тор.

– Я спросил, – повторил Артур срывающимся, несмотря на все его старания, голосом, – ты что, на драку набиваешься?

И потешно замахал своими кулачками.

Тор остолбенело пялился на него. Затем из его ноздрей вырвалась тонкая струйка дыма, а за ней – маленький язычок пламени.

Тор запустил руки за пояс.

Выпятил грудь, чтобы никто больше не сомневался, что с подобной фигурой лучше не связываться, если с тобой нет десятка альпинистов.

Он вытащил из-за пояса свой топор и поднял его на вытянутых руках, демонстрируя его массивную железную головку. Тем самым рассеяв возможное заблуждение, что он носит за поясом всего лишь обычный телеграфный столб.

– Спрашиваешь, не набиваюсь ли я, – взревел он, срываясь на шипение, достойное реки, которая протекает через сталелитейную печь, – не набиваюсь ли я на драку?

– Именно, – сказал Артур неожиданно звучным, воинственным голосом. И вновь потряс кулаками, на сей раз словно на полном серьезе. – Выйдем? – прохрипел он, обращаясь к Тору.

– Выйдем! – взревел Тор на манер разъяренного быка (собственно, на манер разъяренного Громовержца, что куда громче) и вышел за порог.

– Слава богу, – вымолвил Артур, – наконец-то отделались. Слрти, вытащи нас отсюда.

Глава 23

– Ладно, – кричал Форд на Артура, – ладно, пусть я трус! Главное, я вернулся живым! Они вновь находились на борту «Бистроматолета». Слартибартфаст и Триллиан тоже были там. Недоставало лишь мира и согласия.

– А я что, неживым вернулся? – парировал Артур, кипя благородной яростью. Его брови скакали вверх-вниз, точно норовя подраться между собой.

– Да еще чуть-чуть, и тебя пришлось бы в гробу возвращать! – взорвался Форд.

Артур воззвал к Слартибартфасту, который сидел в своем пилотском кресле, задумчиво уставившись в доньшко бутылки – похоже, оно сообщало ему нечто глубоко непостижимое.

– Как ты думаешь, он понимает первое слово моей фразы? – вскричал он, весь трепеща от негодования.

– Не могу сказать, – ушел от ответа Слартибартфаст. – Не отважусь утверждать, что знаю это, – добавил он, на миг оторвав глаза от прибора и тут же вновь уставившись на него с обновленным энергичным недоумением. – Давай ты все нам растолкуешь с самого начала, – предложил он Артуру.

– Ну...

– Только попозже. Надвигается ужасная катастрофа.

Он постучал по псевдостеклянному доньшку псевдобутылки.

– Боюсь, на вечеринке мы проявили себя не лучшим образом, и теперь наша последняя надежда – не допустить, чтобы роботы открыли Ключом Замок... Один Бог знает, как это сделать, – пробормотал он. – Полагаю, придется перехватить их прямо у Замка. Скажу честно: меня эта идея совсем не прельщает. Видимо, там нам и головы сложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.